

Р.о.зед. 2910

РУССКАЯ БИБЛИОТЕКА.

ТОМЪ XXX.

П Е М Б Е.

РАЗСКАЗЪ ИЗЪ ЭПИРО-АЛБАНСКОЙ ЖИЗНИ.

Соч. **К. Н. ЛЕОНТЬЕВА.**

Pembe. Eine albanesische Erzählung. Von K. N. Leontieff.

ЛЕЙПЦИГЪ, | LEIPZIG,
Вольфгангъ Гергардъ. | Wolfgang Gerhard.
Центральный книжный магазинъ для славянскихъ
странъ.

1 8 7 0.

314 68

50

П Е М Б Е.

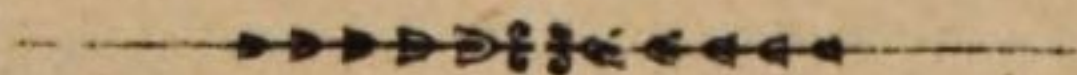
HERB

П Е М Б Е.

РАЗСКАЗЪ ИЗЪ ЭПИРО-АЛБАНСКОЙ ЖИЗНИ.

Соч.

К. Н. ЛЕОНТЬЕВА.

ЛЕЙПЦИГЪ,
Вольфгангъ Гергардъ.

LEIPZIG,
Wolfgang Gerhard.

Центральный книжный магазинъ для славянскихъ странъ

1870.

H E M B E

LIBRARY OF THE UNIVERSITY OF MICHIGAN

THE UNIVERSITY OF MICHIGAN
LIBRARY
ANN ARBOR, MICHIGAN
48106-1000

I.

„Я долго лежалъ распростертый на ложѣ равнодушія.

„Оно не казалось мнѣ жесткимъ, и никакіе сны Эдема не сходили на хладную главу мою.

„Но внезапно явилась предо мною дѣвушка нѣжнаго возраста. Одежда ея была проста; однако и въ ней она казалась прекрасною, какъ золотой сосудъ наполненный душистымъ напиткомъ.

„Обходя комнату искусными кругами, она уподоблялась молодой змѣйкѣ играющей въ цвѣтущихъ кустахъ.

„Имя твое, Пембе,* есть цвѣтъ розы, самаго прекраснаго изъ цвѣтовъ.

„Ты сладка и свѣжа какъ зерна гранаты, облитыя розовою водою и посыпанныя сахаромъ.

„Я не ищу ни долговѣчности, ни богатаго

* Пембе, женское, мусулманское имя. Значить: темнорозовая, малиновая.

содержанія; пусть жизнь моя будетъ кратка и содержаніе бѣдно; но чтобъ я могъ покойно веселиться съ тобой.

„Я молчу, Пембе. Пусть соловей громко поетъ о любви своей въ садахъ персидскихъ. Я не буду слѣдовать его примѣру. Я лучше буду нѣмъ какъ бабочка: безгласная, стараетъ она на любимомъ ею пламени:“

Такъ, засвѣтивъ лампу, писалъ ночью въ своей пріемной молодой албанскій бей Гайрединъ.

Гайрединъ-бей былъ женатъ, а танцовщица Пембе пріѣхала съ своею теткой и съ другими Цыганами-музыкантами изъ Битоліи.

Гайредину было тогда двадцать шесть лѣтъ, а Пембе шестнадцать.

Гайрединъ-бей былъ изъ старой дворянской* семьи Эпира; домъ отца его и теперь стоитъ на горѣ въ селеніи Дельвино; онъ обнесенъ стѣной, въ которой до сихъ поръ видны бойницы для ружей. Село съ селомъ, родъ съ другимъ родомъ и семья съ семьей вели еще недавно кровавыя войны.

Мирный путникъ любитъ на веселый видъ

* У Албанцевъ до сихъ поръ существуетъ нѣчто въ родѣ Феодальной аристократіи.

Дельвино, на зеленые холмы и бѣлыя жилища его, но бойницы чернѣютъ едва замѣтными щелями въ простыхъ сельскихъ стѣнахъ, и гордый духъ албанскаго вождя неукротимъ какъ и прежде.

Албанецъ любить лишь войну, корысть и гостепріимство; еще недавно онъ одинаково былъ чуждъ и Турку, и Греку, и одинаково другъ имъ, когда ему это было выгодно.

Въ личныхъ дѣлахъ албанскій горецъ вѣренъ дружбѣ и слову; онъ любитъ кровь и мечь и не боится смерти.

Его одежда прекрасна даже и въ бѣдности, и поступь его изящна и легка.

Старый отецъ Гайредина, Шекиръ-бей, имѣлъ всѣ лучшія свойства своихъ соотчичей, но не имѣлъ ихъ злобы и корыстолюбія. Онъ былъ веселъ и добръ; кормилъ безъ нужды огромную прислугу на три разные стола, потому что мусульмане не хотѣли ѣсть съ Греками, а Греки съ мусульманами, и ни мусульмане, ни Греки не хотѣли ѣсть съ Цыганами, которыхъ онъ тоже не гналъ со двора.

Простодушное гостепріимство его славилось повсюду, и нищій находилъ у него въ людской

ночлегъ и пищу, точно такъ же какъ бей и купецъ въ его селамлыкѣ.*

Когда его посѣщали христіане, онъ давалъ имъ полную свободу обращенія: ни сидѣлъ самъ на диванѣ неподвижно два часа, какъ дѣлаютъ другіе старые Турки, стѣсняя своею важностью усталыхъ путниковъ и гостей, которымъ хочется размять ноги. Нѣтъ! Онъ гулялъ по комнатѣ, вставалъ и садился какъ хотѣлъ, и просилъ всѣхъ дѣлать то же, говоря: „Что значитъ слово *франкъ*? Слово *франкъ*, я узналъ отъ людей ученыхъ, значитъ свободный человѣкъ, развязный человѣкъ. Вотъ въ этомъ смыслѣ и я франкъ. Свобода! Дѣлай что хочешь въ моемъ домѣ! Спи не спи, ѣшь не ѣшь... Сиди, ходи... Это значитъ — франкъ!“

Христіанъ онъ любилъ больше чѣмъ любятъ ихъ другіе мусульмане; въ жизни его былъ одинъ великій случай, отъ котораго не гробъ не могло остыть доброе чувство.

Еще онъ былъ очень молодъ, когда отецъ его подарилъ ему въ рабы прелестную сироту-Гречанку, взятую въ плѣнъ на островахъ во время борьбы за независимость Эллады.

* Селамлыкъ — та часть дома въ которой принимаются чужіе мушчины.

Ей было всего четырнадцать лѣтъ, и звали ее Маригò. Когда Шекирь, самъ еще почти мальчикъ, остался съ ней наединѣ, Маригò заплакала, и простирая къ нему руки, сказала: „Господинъ мой, я твоя. У меня нѣтъ ни отца, ни матери; ихъ убили; дѣлай со мной что хочешь. Только одно слово я тебѣ скажу. Пожалѣй ты меня, я боюсь!“

Шекирь оставилъ ее въ покоѣ; потомъ уже ласками, подарками, братскимъ участіемъ, онъ склонилъ ее къ сближенію. Разъ преодолевъ свой дѣтскій страхъ, рабыня пристрастилась къ Шекиру всѣми силами души. Вѣрованій ея не касался никто: она продолжала ходить въ церковь, и въ посты ее кормили особо. Старые родители Шекира тѣшились и на доброту сына, и на ребяческій первый страхъ, и послѣ на покорную привязанность маленькой Гречанки. „Дѣти, малыя дѣти!“ говорили, смѣясь, другъ другу отецъ и мать Шекира. Когда женили Шекира-бея на богатой дѣвицѣ, жизнь рабыни, конечно, стала хуже, но не надолго. Скоро пришлось ей щедро заплатить своему господину за его благодушіе и любовь.

Въ сорокъ восьмомъ году возстала противъ султана вся южная Албанія. Турки требовали

отъ Албанцевъ набора въ султанское войско и податей, которыя свободнымъ горцамъ казались непомѣрными. Албанская знать не забыла еще какъ измѣннически разстрѣлялъ паша въ Битоліи возмущившихся Арсмана и Вели-бея, пригласивъ ихъ туда примириться. Албанцы согласились всѣ притвориться сначала покорными и выставить начальниками людей простыхъ, но не менѣе ихъ самихъ способныхъ быть вождями. Кровавая борьба возгорѣлась около Дельвино, Аргирокастро и Янинъ. Бунтовщиковъ велъ въ побѣдамъ простой селянинъ Гіонни-Лекка.* Албанцы вездѣ громили султанскіе отряды; но правильная сила взяла, наконецъ, верхъ надъ народнымъ ополченіемъ... Запертый сераскиромъ въ Лапурьѣ, Гіонни-Лекка думалъ лишь о собственномъ спасеніи. Люди его одинъ за другимъ покидали его. Сераскиръ рѣшился тогда нанести послѣдній ударъ мятежу. Въ Дельвино, въ Берать, въ Тепеленъ и въ другія селенія и чифтлики** албанскіе ворвались Турки

* Гіонни-Лекка, разбитый; убѣжалъ въ Θεσσαλίю; отдался самъ турецкому начальству, былъ прощенъ, получилъ даже начальство надъ иррегулярнымъ отрядомъ и служилъ долго послѣ того Туркамъ; убитъ въ 52 году на войнѣ противъ Черногорцевъ.

** Чифтликъ — имѣніе, собственное помѣстье: про-

и начали хватать и вязать богатыхъ беевъ, которыхъ давно подозрѣвали въ тайной помощи возставшимъ. Схватили Башьяръ-бея, Тахиръ-бея, трехъ сыновей Тахиръ-абаза, Абдуль-бей-Кокка; а въ Дельвино не нашли стараго дѣда Гайредина, и взяли Шекиръ-бея, отца его. Жена Шекиръ-бея была въ то время беременна; когда услыхала она крики женщинъ, пальбу, страшные голоса солдатъ и плачь дѣтей, младенецъ умеръ въ ней, а за нимъ умерла и она сама, безъ мужа и свекра, на рукахъ Маригò. Шекиръ-бея и всѣхъ другихъ албанскихъ беевъ Турки, связавъ, отправили въ Царьградъ, гдѣ ихъ ждала тюрьма, а можетъ-быть и смерть. Похоронивъ свою госпожу, Маригò взяла на руки маленькаго Гайредина и поѣхала въ Царьградъ. Тамъ, выждавъ минуту когда сераскиръ-паша выѣзжалъ верхомъ изъ воротъ своихъ, она схватила его лошадь за узду, и подавая ему сына, сказала:

— Убей, паша, и насъ, когда хочешь погубить отца его!

— Ты христіанка? спросилъ сераскиръ, котораго поразили ея красота и отчаяніе.

тивополагается вакуфу (собственности мечетей и церквей) или имляку (государственной собственности).

— Да, сказала Маригò.

— Рабыня? спросилъ сераскирь.

— Да, отвѣчала Маригò.

— Если ты христіанка и рабыня, и любишь его такъ, и не ищешь своей воли, такъ, я думаю, Шекирь-бей хорошій человѣкъ, и мы отпустимъ его.

Возвратившись въ свое имѣніе, Шекирь-бей сказалъ Маригò:

— Теперь я вдовъ; пускай гнѣвъ Божій разразитъ меня, если я возьму когда иную жену, кромѣ тебя, Маригò... Ты будешь моя жена и моя радость. Ходи въ церковь, а я буду ходить въ мечеть; держи постъ, а я буду держать Рамазанъ.

Такъ Маригò стала законною супругой Шекирь-бея; а Гайрединъ и прежде былъ законнымъ; дѣти рабы, по закону мусульманскому, дѣти того же отца, и обиды имъ нѣтъ никакой.

Въ 54 году, когда Гривасъ хотѣлъ освободить Эпиръ отъ турецкаго ига, Шекирь-бею пришлось послужить султану мечомъ. Онъ не грабилъ и не жегъ христіанскихъ селъ, подобно другимъ Албанцамъ; онъ только съ отрядомъ баши-бузуковъ принялъ участіе въ нападеніи Абди-паши на селеніе Коцильйò, въ которомъ

заперся Гривасъ, на двухъ-часовомъ разстояніи отъ Янины.

Шекиръ-бей первый замѣтилъ что въ тылу турецкаго отряда спускается съ горъ въ разсыпную толпа паликаровъ, посланныхъ греческимъ капитаномъ Зѣрвою на помощь Гривасу. Абди-паша гордился и не хотѣлъ отступить, но Шекиръ-бей уговорилъ его, зная лучше мѣстность, и небольшой султанскій отрядъ былъ спасенъ.

Благодарилъ его султанъ и взялъ за это его сына въ Константинополь на обученье.

Гайрединъ обучался тамъ европейской вѣжливости; выучился хорошо по-турецки и по-персидски, и немного по-французски; греческій же языкъ ему былъ какъ родной съ дѣтства. Въ Янинѣ и настоящіе Турки по-турецки не знаютъ, а говорятъ по-гречески.

Вызвалъ старый Шекиръ-бей сына въ Дельвино и былъ радъ его успѣхамъ, однако сказалъ:

— Не слѣдъ тебѣ служить писцомъ при пашахъ; это дѣло цареградскихъ *пуштовъ*; пишутъ, пишутъ они, а Турція все несчастная, и все Франки и Русскіе въ ней командуютъ. Ты живи здѣсь своими доходами, и я тебя скоро женю. А какъ султанъ обучать тебя велѣлъ и сдѣлалъ

человѣкомъ, такъ ты можешь ему и мечомъ послужить, какъ служилъ отецъ твой...

Гайредину сначала жалко было разстаться съ Босфоромъ, съ кайками, которые, какъ стрѣлы мчась по тихому проливу, несутъ веселыхъ людей, съ гуляньями и музыкой, съ театрами въ Перѣ, съ друзьями и съ богатыми банями цареградскими. Но противорѣчить отцу онъ не могъ, остался и привыкъ.

Невѣсту нашелъ ему отецъ богатую. Звали ее Эмине, и она была по роду и родству еще знатнѣе Гайредина: однихъ барановъ у отца ея Абдуль-паши были тысячи...

Самъ Абдуль былъ ужъ очень старъ, но еще бодръ: почетное названіе паши онъ получилъ не по чину и долгой выслугѣ, а въ одинъ годъ за службу противъ Гриваса; онъ былъ жаденъ и жестокъ: одинъ видъ его былъ страшенъ; и ростъ, и дородство, и злые глаза на выкатѣ, все въ немъ было чтобы наводить ужасъ. Сколько селъ христіанскихъ сжегъ и ограбилъ онъ, преслѣдуя Гриваса! Сколько мирной крови пролил! Янинскіе Турки говорили что сабля его заговорена однимъ святымъ шейхомъ, удлиняется, когда Абдуль прочтетъ молитву, и достаетъ издали бѣгущую жертву.

Дочь его, Эмине-ханумъ, жена Гайредина, ни чуть на него не была похожа; она была тихая и добрая женщина.

Уже у Эмине было двое дѣтей отъ Гайредина: мальчикъ Иззединъ и дѣвочка грудная, когда Гайрединъ-бей встрѣтилъ Пембе на еврейской свадьбѣ.

Еврей Ишуа былъ самъ богатый янинскій банкиръ, и паши, и консулъ не пренебрегали его знакомствомъ.

Гайредина онъ зналъ давно и не разъ давалъ ему денегъ а Гайрединъ всегда въ срокъ уплачивалъ ему или изъ отцовскихъ доходовъ, или изъ женинаго имѣнія.

Ишуа выдавалъ младшую сестру свою за молодого Еврея, Марко, телеграфнаго чиновника Порты.

Сватьба была богатая, одни одѣяла атласныя, шитыя знаменитымъ золотымъ янинскимъ шитьемъ, стоили пять тысячъ піастровъ.

II.

Не задолго до свадьбы Марко съ сестрой Ишуа, Гайрединъ-бей соскучился въ своихъ горахъ и пріѣхалъ одинъ безъ жены и дѣтей, въ

Янину, гдѣ у него былъ свой домъ съ видомъ на озеро и на древнюю крѣпость поросшую плющомъ.

Въ тотъ же день посѣтилъ его одинъ Грекъ, докторъ Петропулаки. Онъ былъ знакомъ съ нимъ еще въ Константинополѣ, а когда Петропулаки, самъ родомъ Эпиротъ, переселился на житье въ Янину, Гайрединъ-бей сталъ всегда прибѣгать къ нему, когда кто въ домѣ былъ нездоровъ. Они были очень дружны съ Петропулаки.

Петропулаки былъ человѣкъ еще молодой и холостой; одѣвался онъ франтомъ; высокая шляпа его была по послѣдней модѣ. Онъ выписалъ ее изъ Корфу, и безъ перчатокъ и рінсепез на улицу не выходилъ.

Докторомъ считался онъ знающимъ, воспитывался въ Парижѣ и Германіи, пріобрѣлъ много денегъ, несмотря на то что Янина полна докторами, и любилъ повеселиться. Человѣкъ онъ былъ души не дурной, и легко привязывался къ тѣмъ кого долго лѣчилъ; такъ полюбилъ онъ и семью Гайредина. Сверхъ того отецъ Гайредина, Шекиръ-бей, сдѣлалъ много пользы роднымъ докторамъ во время прежнихъ безпорядковъ.

Когда Петропулаки пришелъ къ бею, первое дѣло сталъ онъ упрекать его за фустанеллу.

Сними ты этотъ варварскій костюмъ! сказалъ онъ ему. — Человѣкъ ты образованный, а одѣваешься какъ простой.

Гайрединъ, краснѣя, отвѣчалъ ему что онъ только въ деревнѣ носить „простую одежду“, а что въ Янинѣ онъ одѣвается по-европейски.

Докторъ съ чувствомъ приложилъ руку къ сердцу и сказалъ, закрывая глаза:

— Я тебя люблю и уважаю, Гайрединъ-бей, и прошу тебя... переодѣнись скорѣе. Ты знаешь, я человѣкъ крайне нервный, и фустанелла раздражаетъ меня, особенно на человѣкъ такой хорошей фамиліи и столь образованномъ какъ ты...

Гайрединъ переодѣлся; вмѣсто расшитой тончайшимъ золотымъ шитьемъ куртки съ откидными рукавами, вмѣсто пышной фустанеллы и красныхъ чарухъ,* онъ надѣлъ сѣрое пальто и брюки. Это платье было куплено имъ готовое у Жида для представительности въ Янинѣ.

— Вотъ это дѣло другое, воскликнулъ Петропулаки, наводя на бѣднаго Гайредина *rinsepez*; — благодарю тебя за пріязнь, бей-эффенди

* Весьма красивая обувь.

мой. Теперь я вижу передъ собой человека, а не дикаго звѣря. Ты прости мнѣ, я говорю это тебѣ какъ другу; я и родные мои отцу твоему жизнью обязаны, быть-можетъ... Ни вы, Албанцы, ни мы, Греки, не пойдѣмъ впередъ, пока послѣднюю фустанеллу не выбросить за окно мужикъ въ самой отдаленной деревнѣ. Посмотри въ Европѣ, всякій хлѣбопашецъ такъ же одѣтъ какъ консулъ или посланникъ... Все одно...

— Да, это, конечно, такъ, отвѣчалъ Гайрединъ; — пора бы всѣ эти закоснѣлыя вещи бросить; я и въ деревнѣ ношу потому что, знаешь, народу это пріятнѣе...

Поговорили они еще по-пріятельски, и собрались вмѣстѣ на свадьбу къ Ишуа, докторъ во фракѣ, бѣломъ галстукѣ и круглой шляпѣ, а Гайрединъ въ сѣромъ пальто и фескѣ.

Свадьбы въ Янинѣ празднуютъ и Евреи, и Греки ночью.

На еврейскихъ свадьбахъ гости жениха собираются у жениха въ домѣ и веселятся до полуночи, а въ полночь съ зажженными свѣчами идутъ въ домъ невесты. Выведутъ изъ внутреннихъ покоевъ невесту; поставятъ ее вмѣстѣ, съ женихомъ предъ камнемъ, покроютъ ихъ обоихъ бѣлымъ покрываломъ. Читается мо-

литва; новобрачнымъ даютъ пить вино; женихъ разбиваетъ стаканъ о камень; мушкетеры кругомъ поютъ; къ головѣ молодыхъ прикладываютъ по нѣскольку разъ живаго пѣтуха... Обрядъ конченъ, и шествіе трогается опять съ зажженными свѣчами по тихимъ улицамъ. Музыка играетъ впереди; дѣти поютъ, пляшутъ и кричатъ вокругъ музыкантовъ. Толпа идетъ медленно; невѣсту поддерживаютъ подъ руки, она должна быть слаба, потрясена, убита... Она не смѣетъ поднять глазъ на веселую толпу...

Въ домѣ молодаго опять всѣ пьютъ, ѣдятъ, поютъ и пляшутъ до разсвѣта...

На свадьбѣ сестры Ишуа все было такъ, какъ бываетъ у другихъ, но все было богаче и веселѣе.

На свадьбѣ, кромѣ доктора и бея, былъ еще французскій консуль и многіе богатые Греки и Евреи.

Гайрединъ-бей сидѣлъ на диванѣ въ залѣ, между французскимъ консуломъ и докторомъ Петропулаки, когда хозяинъ дома подошелъ къ нимъ и спросилъ почтительно, не прикажутъ ли они плясать цингистрамъ.

— Какъ вамъ угодно, отвѣчалъ французскій консуль.

И Пембе начала танцовать, звеня колокольчиками. *

Она плясала долго; выгибалась назадъ, кружилась и присѣдала, опять кружилась, и опять выгибалась назадъ какъ тростникъ... То шла медленно и скромно, нагибая блѣдную голову на сторону, то опять неслась, трепетала всѣмъ тѣломъ подъ звонъ мѣди, и вдругъ остановилась предъ консуломъ, улыбаясь и звеня.

Консулъ далъ ей наполеондоръ. Она остановилась предъ беемъ, и Гайрединъ далъ ей двѣ лиры; докторъ съ досадой и презрѣніемъ вынулъ пять франковъ.

— Какой варварскій обычай! сказалъ онъ Гайредину. — Какъ могли позволить этимъ побродягамъ просить деньги у гостей!... Пригласить на свадьбу и грабить!...

— Нѣтъ! отвѣчалъ Гайрединъ, которому Пембе уже понравилась немного: — зачѣмъ же у бѣдняковъ отнимать хорошій случай...

— Что вы говорите, докторъ? спросилъ французскій консулъ.

* Строго говоря, танцовщицы или, по-здѣшнему, цингистры, которыя пляшутъ въ Битоліи и Янинѣ, звонятъ не колокольчиками, а мѣдными маленькими тарелочками, привязанными къ пальцамъ.

— Я ненавижу наше азіятство, наше здѣшнее варварство... отвѣчалъ Петропулаки. — Что значить этотъ танецъ? Это можетъ занимать какихъ-нибудь ремесленниковъ или турецкихъ солдатъ, а не насъ... И вашему сіятельству вовсе не весело смотрѣть на такія презрѣнныя вещи послѣ парижскаго кордебалета!...

— Нѣтъ, отвѣчалъ французскій консулъ, — я, напротивъ того, люблю азіятскія вещи. Еврона мнѣ надоѣла; *je me sens mieux lorsque je vois des choses qui ont un cachet à eux...* Когда я служилъ въ Алжирѣ и дѣлалъ сирійскую экспедицію, я почти всегда, когда могъ, одѣвался по-арабски. Въ вашей странѣ мнѣ многое нравится...

— Ваше сіятельство слишкомъ добры, отвѣчалъ Петропулаки.

— Кордебалетъ мнѣ надоѣлъ, продолжалъ Французъ, — а этотъ танецъ имѣетъ сходство съ испанскою какучей или болеро...

— Конечно, возразилъ, склоняясь, докторъ, — сходство съ болеро поразительное, но надо видѣть Фанни-Эльслеръ, а не эту несчастную Пембе...

— Фанни-Эльслеръ въ послѣднее время была очень толста... *Tandis que cette petite morveuse de Pembé me semble...*

— Не отрицая ея граціи, я только говорю что эти блѣдныя лица не въ моемъ вкусѣ.

— Это дѣло вкуса, сказалъ консуль. — Вы докторъ и, конечно, матеріалистъ, а я люблю дѣвушекъ такихъ какъ эта Пембе: блѣдныхъ, болѣзненныхъ и воздушныхъ... Поди сюда, мое дитя... вотъ тебѣ еще деньги, купи себѣ хорошее платье и новый тамбуринъ... Ah! la pauvre! Elle est bien heureuse maintenant.

Докторъ сказалъ консулу что у него, должно-быть, предоброе сердце.

— Vous le croyez? спросилъ консуль съ презрѣніемъ.

Гайредину было очень пріятно что такой просвѣщенный человѣкъ, Французъ и консуль, хвалить Пембе. Послѣ этихъ похвалъ танцующицѣ и всему азіятскому, онъ сталъ смѣлѣе.

Консуль вскорѣ удалился. Гости пошли за невѣстой и привели ее.

Послѣ консула Гайрединъ былъ выше всѣхъ по званію. По его предложенію, хозяинъ опять заставилъ плясать Пембе, которую отправили внизъ ѣсть со слугами. Когда она кончила и почтительно присѣла на земь предъ нимъ, прикладывая руку ко лбу, онъ далъ ей еще нѣсколько золотыхъ.

Уже стало свѣтать, и съ горъ надъ Яниной подулъ прохладный вѣтерокъ, когда Гайрединъ-бей сѣлъ на лошадь, которую подвелъ ему его молодой Арабъ.

Проѣзжая по двору, онъ въ толпѣ слугъ и гостей увидалъ Пембе; она сидѣла, пригорюнившись, на камнѣ, и при утреннемъ свѣтѣ лицо ея показалось бею еще блѣднѣе и грустнѣе.

Ш.

Мѣсяца три Гайрединъ-бей не видалъ Пембе. Онъ жилъ въ своемъ имѣніи, собиралъ деньги съ селянъ, шутилъ съ маленькимъ Иззединомъ (безъ ума любилъ онъ своего сына), ласкалъ свою жену. Поднимался съ горъ утренній вѣтеръ, онъ вставалъ, пилъ воду съ вареньемъ, билъ въ ладоши, и Арабъ приносилъ ему нар-гиле подъ деревянный навѣсъ балкона. Жарче и жарче грѣло солнце къ полудню обнаженные холмы; громче и громче пѣли тысячи цикадъ на высокихъ дубахъ Дельвино, и дальнія бѣлыя села, какъ груды мѣла, утопали въ знойномъ воздухѣ долинъ.

Наставалъ обѣдъ, и сонъ приходилъ своимъ чередомъ. Добрая жена вставала когда молодецъ

мужъ входилъ въ гаремъ; она спрашивала его покорно: „что угодно тебѣ, господинъ мой?“ а когда мужъ просилъ ее сѣсть и обращался къ ней съ ласковою рѣчью, добрая душа ея веселилась, и свѣтлѣе становились очи. И она уже не рабой законной, а милой подругой говорила ему: „Что ты мало ѣшь, мой дорогой, моя душка! Кушай, кушай на здоровье, ягненокъ ты мой, очи ты главы моей...“

А Гайрединъ, вздохнувъ вздохомъ счастья, отвѣчалъ ей, привлекая ее на грудь свою: „Ты, султанша моя, на радость дана мнѣ Богомъ. Про тебя сказалъ пророкъ: „тамъ юныя дѣвы „будутъ глядѣть скромными очами, дѣвы, которыхъ прелестей не осквернялъ никогда ни челоуѣкъ, ни духъ созданный изъ чистаго огня. „Онѣ будутъ подобны гіацинту и жемчугу.“

Старый Шекиръ-бей любовался на нихъ; пріѣзжалъ не разъ и тестъ Гайредина, Абдулъ-паша, на лихомъ жеребцѣ, съ двадцатью молодцами. Кто пѣшій, кто на конѣ, всѣ на подборъ красовались за нимъ, во всю дорогу пѣли пѣсни о томъ какъ Гривасъ вышелъ въ Эпиръ, и какъ съ нимъ и съ его Греками бились албанскіе мусульмане...

Долго бы такъ прожилъ Гайрединъ-бей и

не увидалъ бы долго Пембе, еслибы черезъ три мѣсяца не выбрали его въ члены большаго идаре-меджлиса, * который со всего вилаета собирался въ Янину судить мѣстѣ съ пашой о дѣлахъ.

Когда въ Янину представили списки всѣхъ мусульманъ и немусульманъ, которыхъ жители назначали въ это присутствіе, паша не совсѣмъ былъ доволенъ тѣмъ что нашелъ въ нихъ имя Шекиръ-бея. „Не по сердцу мнѣ эта албанская голова упрямая!“ сказалъ онъ; а вычеркнуть его имени изъ списка не посмѣлъ... Однако слова эти слышали люди, и они дошли до Шекиръ-бей; Шекиръ-бей сказалъ сыну:

— Пускай лучше тебя занесутъ въ списки. Ты человѣкъ молодой и лучше моего сбойдешься съ ними; а я вмѣстѣ съ папой народъ обманывать не хочу. Мнѣ дороги не нужны, я и безъ дорогъ проживу хорошо. А имъ нужны дороги чтобы войска водить на Грековъ и на насъ, если которые изъ насъ вспомнятъ о старой свободѣ албанской. Пусть отрываютъ народъ отъ работъ полевыхъ и гонятъ камни ломать, дорогъ они хорошихъ не построятъ; при-

* Идаре-меджлисъ — административный совѣтъ новаго устройства.

детъ осень, побегутъ ручьи, и вся дорога ихъ грязью станетъ, по которой лошадямъ труднѣе будетъ ходить чѣмъ по камнямъ; а народъ отъ работъ оторвутъ, и будетъ селянинъ проклипать опять власть султана; и возстанетъ опять, когда тотъ кому слѣдуетъ скажетъ ему „возстань!“ А мы, албанскія толстыя головы, опять за него будемъ биться, и женъ, и дѣтей нашихъ сиротами оставимъ.

Когда узналъ народъ что не старикъ поѣдетъ въ Янину на совѣтъ, а Гайрединъ, многіе пожалѣли. Иные, не только изъ Албанцевъ, но и христіане говорили: „что Гайрединъ!“

А другіе сказали „что Гайрединъ, что старикъ, все равно. Люди они оба хорошіе: а житья намъ лучше не будетъ, сколько совѣтовъ ни собирай.“

А сельскій учитель, Грекъ, который прожилъ три года въ Аѣинахъ, сказалъ деревенскимъ Грекамъ еще хуже:

— Гляжу я на васъ и дивлюсь, какіе вы всѣ варвары, деревенскіе люди! Кажется, какъ бы не просвѣтиться вамъ: скоро во всемъ Эпирѣ не будетъ ни одного безграмотнаго Грека; деревни ни одной нѣтъ безъ школы... Знайте вы, чѣмъ хуже для васъ, тѣмъ лучше! Такіе беи какъ

Шекиръ-бей и Гайрединъ для васъ хуже всякаго врага, потому что они честные и добрые люди, а вамъ нужны изверги, вамъ пытка нужна, чтобы въ васъ кровь заиграла, и чтобы вы людьми стали. Добрый бей, честный паша великое несчастье для Грековъ!

Крестьяне надъ его словами задумались, и одинъ старикъ сказалъ:

— Не бойся, учитель, и мы люди! И мы знаемъ что мы Греки, и съ Туркомъ не помирать насъ ни Гайрединъ, ни Шекиръ-бей. А время наше не пришло, ты самъ это знаешь...

Въ идаре-меджлисъ нашлось много дѣла: распредѣленіе новыхъ податей; разборъ жалобъ крестьянъ на беевъ и беевъ на крестьянъ, или жалобъ крестьянъ на Жидовъ, которые въ послѣднее время скупили у иныхъ беевъ *чисфтлики*; разсужденія о томъ гдѣ начать проводить дороги по ущельямъ и стремнинамъ гористаго вилаета; Турки янинскіе жаловались что правительство не заводитъ имъ гимназіи.

— Намъ нужны прежде всего языки, говорили богатые бей, — намъ нуженъ турецкій языкъ котораго мы не знаемъ: это языкъ правительства, девлета;* намъ нуженъ греческій

* Девлетъ — государство.

языкъ: это языкъ здѣшнихъ жителей; намъ нуженъ французскій: это языкъ европейскаго просвѣщенія... Мы во всемъ отстали отъ Грековъ. У Грековъ были благодѣтели которые разбогатѣли въ Россіи и Молдавіи и завѣщали имъ милліоны на устройство школъ въ Эпирѣ, а за насъ кому же думать какъ не падишаху? Но падишахъ не думаетъ о насъ; онъ строитъ себѣ дворцы.

— Падишахъ сталъ гяуромъ, отвѣчали на это беямъ улемы. — Падишахъ празднуетъ день своего рожденія какъ невѣрные короли. Всѣми дѣлами правятъ хитрецы Фуадъ и Аали-паша... Ужъ, слышно, женъ и дочерей нашихъ стали считать и записывать въ списки ихъ имена. Въ Эдирневилаетъ* ужъ сдѣлали это, и ни одна собака не рѣшилась стать на порогъ своего дома и обнажить мечъ на защиту святыни своего гарема.

Умы были давно въ волненіи; въ Критѣ Греки уже подняли знамя возстанія: въ народѣ ходили ложные слухи о томъ что Русскіе уже двинули несмѣтныя войска къ Дунаю, что Сербскій князь скоро нападетъ на Боснію, что Черногорія готова къ бою, будто Франція помогаетъ

* Е д и р н е — Адрианополь.

Россіи и увозить на своихъ пароходахъ семьи Грековъ изъ Крита чтобы легче и успѣшнѣе было Грекамъ лить мусульманскую кровь. „И тутъ гяуръ, и здѣсь гяуръ!“ говорили Турки. „Приходитъ конецъ царству правовѣрныхъ, и Врата Блаженства (Царьградъ) скоро будутъ отверсты для свирѣпыхъ псовъ Московіи!“

Вздыхали радостнѣе старые Греки въ неприступныхъ селахъ горныхъ округовъ, и поднимая глаза къ небу, говорили: „Да здравствуетъ единственный столбъ православія въ мірѣ! Россія дала намъ не только свою поддержку, она дала намъ дружбу Америки, она даетъ намъ теперь дружбу Франціи, она спасетъ насъ несчастныхъ отъ Турка!“

Старуха, слушая мужа, шептала молитву Божіей Матери, а сынъ, молодой *наликаръ*, сверкая очами, уже хватался за рукоятку ятагана.

Албанцы одни изъ всѣхъ жителей Эпира оставались непроницаемы; необузданная, молодецкая воля ждала молча слова богатыхъ дворянъ, вождей своихъ, и вымолвилъ вожди это слово, безъ разбору полилась бы и христіанская, и турецкая кровь...

— Пойдешь со мной на султана въ Кон-

стантинополь? сказалъ когда-то одинъ Грекъ своему знакомому Албанцу.

— Въ адъ пойду! отвѣчалъ Албанецъ, обнажая ножъ: — скажи только сколько лиръ золотыхъ ты мнѣ дашь за это?

Въ такое-то трудное время пришлось Гайредину засѣдать въ идаре-меджлисъ янинскомъ.

Феимъ-паша, Черкесь, предсѣдавшій самъ въ этомъ совѣтѣ, былъ человѣкъ блестящаго ума и высокаго свѣтскаго воспитанія. Онъ былъ не разъ посломъ при европейскихъ дворахъ, имѣлъ ленты и Св. Анны, и Почетнаго Легіона, и Османія 1-й степени, который дается только мусульманамъ. Жизнь его была исполнена событій. Рожденный въ глухомъ кавказскомъ аулѣ, онъ былъ проданъ родными за тысячу піастровъ одному могущественному пашѣ, который сражался въ Греціи, былъ разбитъ, взятъ въ плѣнъ Греками и отпущенъ ими съ отрѣзанными ушами.

— Живи, звѣрь, сказалъ ему тотъ капитанъ который отсѣкъ ему уши, — живи, звѣрь, и помни что такое Эллинъ! Мы хотимъ чтобы младенцы ваши трепетали въ утробѣ Турчанокъ, когда произнесено будетъ слово „Эллинъ“. Живи!

И старикъ жилъ долго и помнилъ Грековъ.

Съ раннихъ лѣтъ Феимъ-Черкесъ всосалъ ненависть ко всему что носить имя Грека.

Ребенокъ Феимъ былъ красивъ, умиленъ, смѣлъ и хитеръ. Старый паша, воспитавшій его, звалъ его „сыномъ“ и гордился имъ. Онъ вывелъ Феима на дорогу, женилъ его на дѣвицѣ султанской крови и скончался на рукахъ его. Феимъ шелъ впередъ уже самъ. Сорока шести лѣтъ онъ былъ уже великимъ визиремъ и палъ лишь потому что не сумѣлъ угодить французскому послу. Тогда ему дали вилаеть и приказали мудро сочетать осмотрительность съ энергіей. Съ этимъ общимъ правиломъ и онъ былъ согласенъ, но Фуада и Аали, низвергнувшихъ его, онъ ненавидѣлъ и не слушалъ, и увѣренный въ личной силѣ своей, не разъ рвалъ въ клочки ихъ предписанія.

Возмущенный вліяніемъ Французовъ на дѣла Турціи, онъ, послѣ паденія своего, соединился съ тою старою турецкою партіей которая ненавидитъ реформы въ пользу христіанъ, не зажигаетъ плошекъ на минаретахъ въ день рожденія султана, мечтаетъ вырѣзать всѣхъ Грековъ и Болгаръ, но считаетъ ихъ и Русскихъ все-таки выше Франковъ, за то что они не исказили, какъ исказили Франки, данныхъ имъ свыше книгъ.

Феймъ-паша соединился съ партіей которая неуклонно содержитъ Рамазанъ, не пьетъ вина и говоритъ что Турція гніетъ съ того ужаснаго дня, когда султанъ Махмудъ обагрилъ цареградскіе камни кровью великихъ янычаръ.

Партія эта, не видная и слабая въ мирное время, можетъ еще стать ужасною въ смутную годину и подъ рукой просвѣщеннаго вождя.

Феймъ-паша соединился съ этою партіей, несмотря на то что говорилъ по-французски какъ Парижанинъ, несмотря на то что былъ посломъ въ Вѣнѣ, Петербургѣ и Лондонѣ, несмотря на то что у него было въ теченіи его жизни двѣ жены изъ христіанокъ, одна Гречанка, которая задушила въ ваннѣ его Арабаевнуха изъ-за гаремной распри, а другая — Француженка, которую онъ самъ разъ едва было не убилъ: такъ нестерпимъ былъ ея буйный нравъ; несмотря наконецъ на то что любилъ стихи Байрона и романы Жоржъ-Занда.

Прибывъ къ своей новой должности, на которую онъ смотрѣлъ какъ на изгнаніе, Феймъ-паша держалъ себя съ недоступною гордостью, смѣялся надъ Фуадомъ, сочинялъ стихи на Французовъ, ласкалъ хаджей и ѣздилъ на поклоны къ старому шейху, который въ городѣ считался

святымъ. Во время Рамазана паша ѣлъ и курилъ днемъ, но только запершись даже и отъ жены своей и довѣряясь лишь одному слугѣ своему, Армянину.

Съ Греками онъ обращался сначала холодно, но не дерзко (онъ не забывалъ осторожности); французскаго и австрійскаго консуловъ онъ принималъ въ туфляхъ и получилъ за это выговоръ изъ Царьграда; съ англійскимъ обошелся крайне почтительно, но сдержанно; а русскаго, на зло Фуаду, принималъ съ распростертыми объятіями, шутилъ и смѣялся съ нимъ, не выпускалъ отъ себя часа два, и даже, провожая его до дверей, сказалъ ему съ радушіемъ. „Croyez moi, mon cher consul, qu'un Russe et un Turc s'entendront toujours mieux entre eux qu'avec ces messieurs-là... Nous sommes plus larges, plus généreux, moins mesquins...“

— Къ тому же, прибавилъ онъ, — я вѣдь землякъ вамъ, Кавказецъ.

Французъ и Австріецъ выходили изъ себя.

Таковъ былъ Феимъ-паша, Черкесь. Когда Гайрединъ-бей въ первый разъ представился ему, паша принималъ его сначала гордо и сухо, сурово и разсѣянно: приложилъ руку къ фескѣ въ отвѣтъ на его почтительный поклонъ; пошевелилъ

нулся съ кресла и молча указалъ ему на дальній диванъ. Гайрединъ сѣлъ. Паша позвонилъ, спросилъ себѣ чубукъ, а Гайредину не предлагалъ даже ни папиросы, ни кофею; занимался при немъ долго дѣлами, звалъ дефтердара и отпускалъ его, звалъ муавина, звалъ мехтубъи-ефенди*, прикладывалъ печать, и только мимоходомъ, между двумя телеграммами, изъ которыхъ одну онъ съ презрѣніемъ бросилъ на диванъ (она была отъ Аали-паши), спросилъ у смущеннаго и оскорбленнаго Албанца:

— Какъ здоровье вашего отца?

Скоро послѣ этого вопроса вошелъ въ бѣлой чалмѣ мюфетишъ, по новому уставу предсѣдатель и глава всѣхъ судовъ вилаетскихъ, полудуховный сановникъ, назначаемый самимъ Шейхъ-уль-исламомъ. Паша стремительно кинулся ему на встрѣчу, не далъ ему прикоснуться къ своей полѣ и прикоснулся, низко нагнувшись, самъ къ его халату, посадилъ около себя съ тысячами привѣтствій и поклоновъ, ударилъ въ ладоши (колокольчика онъ не тронулъ) и приказалъ скорѣе подать воды съ вареньемъ, кофе и два чубука.

* Дефтердаръ — казначей, муавинъ — помощникъ, въ родѣ чиновника по особымъ порученіямъ; мехтубчи — правитель канцеляріи вилаета

Гайрединъ всталъ, поклонился и вышелъ глубоко оскорбленный.

— Кто этотъ мальчикъ? спросилъ мюфетишь.

— Новый членъ нашего идаре-меджлиса, албанскій бей, изъ старой и богатой семьи...

— Какихъ молодыхъ стали выбирать! Ему не больше двадцати двухъ лѣтъ, сказалъ мюфетишь.

Нѣтъ, я думаю, больше. Онъ кажется молодъ, потому что бѣлокурый и брѣть бороду.

— Станный народъ эти Албанцы, замѣтилъ мюфетишь. — Съ виду точно Греки въ фустанеллахъ, и у нихъ свой языкъ.

— И своя вѣра, отвѣчалъ паша съ презрѣніемъ, — или, лучше сказать, у нихъ нѣтъ ни вѣры, ни совѣсти. Въ другихъ частяхъ Албаніи они ставятъ свѣчки въ христіанскихъ церквахъ и держатъ посты, какъ гяуры, тамъ обрѣзываются какъ мы и празднуютъ Рамазанъ, а здѣсь всѣ *бекташи*,* скрываютъ свои обряды и пьютъ вино какъ свиньи. На этотъ варварскій народъ надѣяться нечего...

— *Пекъ, некъ бабарликъ* (ужасное варварство)! со вздохомъ согласился мюфетишь.

* Бекташи, такъ иногда зовутъ истые Турки ту ересь которой привержены многіе Албанцы, и которая сходна съ ересью персидскихъ шиитовъ.

IV.

Не прошло и недѣли послѣ разлуки Гайрединъ-бея съ его гаремомъ, какъ докторъ Петропулаки позвалъ его на холостую вечернюю пирушку. Съ тѣхъ поръ какъ французскій консулъ похвалилъ Пембе, и доктору она стала больше нравиться; онъ позвалъ Цыганъ на свой вечеръ. Цыгане эти, съ которыми ѣздила Пембе, знали немного и европейскую музыку. Отъ захожденія солнца и до утренней зари не умолкали скрипки, кларнеты и тамбурины въ просторномъ домѣ доктора. Все веселилось; былъ тутъ Корфіотъ, золотыхъ дѣлъ мастеръ, Цукала, который звалъ себя археологомъ, были двое консульскихъ драгомановъ, былъ одинъ родственникъ доктора, молоденькій аѳинскій студентъ, щеголь такой что въ Янинѣ и не видали еще. Онъ пріѣхалъ въ отпускъ къ отцу и на всѣхъ смотрѣлъ свысока. Былъ еще одинъ пожилой членъ того же меджлиса въ которомъ пріѣхалъ засѣдать Гайрединъ, семейный и умный человѣкъ, Киръ Костаки Джимопуло. Онъ и часовщикъ оживляли всѣхъ; только старикъ, рослый крѣп-

кій на вино и осторожный, удивлялъ всѣхъ достоинствомъ съ которымъ онъ умѣлъ пировать и шутить, а Цукала опьянѣлъ сразу и сталъ какъ изступленный. Къ утру Гайрединъ - бей былъ безъ ума отъ Пембе. Проплясала она разъ и, звеня колокольчиками, ужъ не просто остановилась предъ беемъ, какъ на еврейской свадьбѣ, а сѣла, улыбаясь, на его колѣни. Бей смутился немного, особенно когда всѣ закричали „браво!“ Онъ далъ ей золотой, она сошла съ его колѣнъ, прошла еще разъ кругомъ комнаты и сѣла къ старику; старикъ тоже скоро отпустилъ ее. Такъ она обошла всѣхъ поочередно; но когда дошла очередь до студента, то онъ долго держалъ ее и твердилъ ей: „Пембека моя! Пембула моя! Какъ ты мила!“ Онъ говорилъ ей это по-гречески, а она кромѣ „благодарю“ да „здравствуй“ по-гречески ничего не знала. Этимъ бѣдный мальчикъ такъ надоѣлъ ей, несмотря на то что былъ очень свѣжъ и красивъ, что она другой разъ во весь вечеръ не подпускала его къ себѣ и говорила ему: *гидз! гидз!* (Ступай вонъ!)

Всѣ уже были выпивши; выпилъ и Гайрединъ, но на столько чтобы не забыться, а лишь повеселѣть. Джимопуло подавалъ всѣмъ примѣръ веселья. Онъ приказывалъ чтобы слуги

доктора прежде всѣхъ подавали сладости и кофе, и вино Пембе, какъ дѣлаютъ Европейцы съ дамами.

За нимъ и докторъ, надѣвъ лорнетъ, пытался быть любезнымъ; студентъ становился предъ Цыганкой на колѣна, несмотря на то что она кричала ему: „гидъ! гидъ!“

Цукала былъ внѣ себя; онъ кидался изъ угла въ уголъ, плясалъ предъ Пембе, съ разбѣгу вскакивалъ на диванъ и соскакивалъ съ него, декламировалъ предъ Пембе трагическіе стихи:

„Гдѣ ты? Гдѣ я? Огонь и кровь! О ужасъ!...

О ужасъ дней моихъ и жизни преступленье!

Томись душа моя въ безвыходномъ томленьи!

Вонми!...

Пембе слушала съ насмѣшкой и прикладывала руку ко лбу и сердцу. Такъ и видѣлъ бей на лицѣ ея: „Какой чудакъ этотъ гяуръ! Внимательна Пембе была только къ хозяину дома, къ Джимопуло и къ Гайредину. Гайрединъ какъ увидалъ что всѣ съ ней шутятъ и обращаются нарочно какъ съ госпожой, ободрился тоже и забылъ свою мусульманскую скромность. Она отдыхала на диванѣ, онъ сѣлъ около нея и спросилъ у ней зачѣмъ она гонитъ студента. „Красивый мальчикъ“, сказалъ онъ ей по-турецки.

Кромѣ Джимопуло и двухъ драгомановъ никто этого языка не зналъ, а они всѣ трое ушли въ другіе покои.

— Зачѣмъ ты гонишь этого мальчика? спросилъ опять Гайрединъ.

— Мальчикъ, отвѣчала Пембе.

— Чѣмъ моложе, тѣмъ лучше, сказалъ Гайрединъ.

— Нѣтъ; я такихъ молодыхъ не люблю, сказала Цыганка. — Тѣ люди у которыхъ борода растеть больше знаютъ.

Что за угрюмое и что за усталое лицо было у ней, когда она такъ льстила Гайредину.

— У старыхъ больше денегъ, сказалъ съ усмѣшкой бей.

— Я не деньги люблю, а человѣка! отвѣчала Пембе.

— Не деньги? сказалъ бей: — а если я тебѣ новое платье сдѣлаю, ты будешь рада... не лги!

— Сдѣлай, отвѣчала она, — это ужъ старо. Да еще мнѣ курточку золотую нужно.

И все говорила она тихо, не спѣша, и въ глаза ему глядѣла, точно тоскуя или болѣя отъ усталости и пляски.

Не долго просидѣли они одни; Цукала при-

бѣжалъ какъ безумный, крича: „Evviva“ Да здравствуетъ нашъ добрый бей!“ и закрылъ его вмѣстѣ съ Пембе полотняною покрывкой съ дивана. Пембе хотѣла было оттолкнуть его, но бей тихо удержалъ ее и подъ полотномъ приблизилъ губы свои къ ея губамъ. Пембе поцѣловала его крѣпко, а потомъ сбросила полотно и сказала:

— Цукала, ты что? съ ума сошелъ сегодня...

— Zito! да здравствуетъ Пембе-ханумъ! закричалъ археологъ, поднимая бокаль...

— Zito! Пембе! кричалъ студентъ.

— Греми музыка въ честь бея! воскликнулъ хозяинъ.

Музыка заиграла, бокалы поднялись и чокнулись.

— Zito Пембе! закричали всѣ Греки.

Пембе благодарила всѣхъ, не смущалась.

За ужиномъ Пембе сибѣла съ господами, а другихъ музыкантовъ и старуху, тетку ея, которая играла на тамбуринѣ, отправили внизъ ѣсть со слугами. Часовщику пришла мысль посадить Пембе за столъ; докторъ взялъ ее самъ подъ руку и повелъ впередъ. Пембе немного испугалась, и отталкивая его, озиралась и спрашивала:

— Не варъ? Не варъ?* Куда онъ меня ведетъ?...

Гайрединъ, смѣясь, успокоилъ ее, и какъ только она поняла что отъ нея ничего не требуютъ, а хотятъ лишь величать ее, тотчасъ же приняла опять свой задумчивый и суровый видъ. Дѣтская непринужденность ея обращенія снова во все время ужина плѣняла Гайредина. Хозяинъ посадилъ ее около себя; Джимопуло самъ накладывалъ ей кушанья; совѣтовалъ ей кушать руками, не стѣсняясь: „мы люди старые, не брезгаемъ этимъ, а молодые простятъ тебѣ это за твои черные глаза“, говорилъ старикъ. Но Пембе ничего не ѣла; разъ взяла пальцемъ немного мозга изъ головы барашка и чуть касалась губами вина, которое ей безпрестанно предлагали. Она все время глядѣла на Гайредина и улыбалась, когда онъ улыбался ей.

— Паша мой! сказала она ему наконецъ тихо, подъ звукъ стакановъ и шумъ разговора: — паша мой! а паша мой?

— Чего ты хочешь? спросилъ Гайрединъ.

— Люблю тебя! отвѣчала Пембе.

Гайрединъ покраснѣлъ и съ радостью замѣтилъ что никто не слыхалъ ее словъ.

* „Что такое? Что есть?“

— Паша мой, сказала Пембе я больна, ку-
зумъ, — * наша мой.

— Чѣмъ же ты больна, дочь моя? спросилъ
Гайрединъ.

— Лихорадка давно у меня; оттого я такъ
худа. Потрогай мои руки, паша мой, видишь
какія онѣ нѣжныя. Я прежде не была такъ
худа. И послѣ, если пройдетъ лихорадка, я
стану опять красивая и толстая.

Словъ Пембе не слыхалъ никто, но дви-
женіе бея, когда онъ взялъ руку Пембе, не
скрылось отъ другихъ гостей.

— Нашъ бей идетъ впередъ! закричалъ
хозяинъ дома. — Люблю бея, который умѣетъ
устраивать дѣла свои! Да здравствуетъ бей!
Zito! Да здравствуютъ Албанцы, друзья наши!

Всѣ Греки закричали „Zito“, и Гайрединъ
благодарилъ Грековъ, и за себя и за народъ свой.

— Пойдите, сказалъ Цукала, всталъ, про-
стеръ руку и началъ такъ: — Албанцы, добрые
сосѣди Грековъ, издревле обожали свободу, по-
добно намъ. Албанцы, по моему взгляду, не

*) Кузумъ, по-турецки, барашекъ, ягненокъ; ласка-
тельное слово, которое не только Турки, но и христіане,
особенно женщины, часто употребляютъ на востокѣ. Сло-
во это у нихъ звучитъ очень душевно.

что иное какъ древніе Пелазги. Эллины, устремившись съ востока гораздо позднѣе...

— Довольно, замѣтилъ Джимопуло, — избавьте насъ теперь отъ археологій и политики. Здѣсь у насъ другія заботы. Я вижу что Пембе ничего не кушаетъ. Выпьемъ лучше еще разъ за здоровье Пембе и пожелаемъ ей долго жить, расти и выйти за мужъ за здороваго молодца вотъ съ такими плечами... Живи, моя бѣдная дѣвушка! прибавилъ старикъ и погладилъ Пембе по головкѣ.

Всѣ стали опять пить за здоровье Цыганочки, которая очень почтительно и прилично благодарила всѣхъ, но сама отъ вина опять отказалась.

Часовщикъ не хотѣлъ успокоиться; онъ былъ совсѣмъ пьянъ и предложилъ тостъ за православіе, который всѣми Греками былъ принятъ съ восторгомъ, кромѣ Джимопуло и одного изъ драгомановъ (австрійскаго); они переглянулись; драгоманъ пожалъ плечами, а Джимопуло всталъ и хотѣлъ сказать что-то, но греческій драгоманъ, пламенный молодой Корфіотъ, выпивъ свой бокаль, произнесъ:

— Да здравствуетъ православіе! Пусть оно идетъ впередъ, развивается на погибель всѣмъ

врагамъ своимъ!... (Онъ взглянулъ съ дружескою насмѣшкой на своего австрійскаго товарища)...

Всѣ еще разъ выпили, вставши; и Гайрединъ, и Пембе тоже встали и приложили бокалы къ губамъ.

Разгоряченнѣй виномъ, криками и музыкой, которая въ это время опять заиграла, Корфіотъ хотѣлъ продолжать свою рѣчь о православіи (скрытый смыслъ ея понималъ всякій), но Джимпуло возвысилъ голосъ и сказалъ твердо, внятно и внушительно:

— Мнѣ кажется, мы больше окажемъ уваженія и преданности святой религіи, которую исповѣдуемъ, если не будемъ упоминать о ней на пирушкѣ.

Всѣ замолчали, и ужинъ кончился уже безъ новыхъ политическихъ намековъ.

Во время ужина, подъ столомъ Гайрединъ нѣсколько разъ клалъ въ руку Пембе золотыя монеты, такъ что къ разсвѣту у нея собралось столько денегъ, сколько нужно бѣдной дѣвушкѣ въ Турціи на приданое.

Она шепотомъ благодарила его и клала деньги въ карманъ своей курточки.

— Зачѣмъ же ты пляшешь такъ много ког-

да ты больна? спросилъ онъ ее тихо, пока Греки шумѣли и спорили.

— Хлѣбъ нуженъ, милый паша мой; тетка меня бьетъ, когда я не пляшу... отвѣчала она.

Уже разсвѣтало, когда кончилась пирушка. Всѣ гости, кромѣ Гайредина и стараго Джимопуло, были такъ пьяны что слуги развели ихъ по домамъ: а хозяинъ уснулъ на диванѣ, не простившись съ гостями.

Джимопуло и Гайрединъ вышли вмѣстѣ пѣшкомъ. Слуги ихъ шли впередъ съ погашенными фонарями; заря занималась уже надъ горою. Въ домахъ просыпались, и изъ старыхъ Гречанокъ многія уже вышли на пороги жилищъ своихъ съ пряжей и шитьемъ. Очаги начинали дымиться; въ дальнемъ лагерѣ слышался рожокъ, и одна молодая христіанка, больная, блѣдная и грустная, вынесла на улицу своего ребенка и стала качать его въ люлькѣ.

Проходя мимо нея, Гайрединъ сказалъ старику Джимопуло:

— Какъ рано трудятся эти люди!

Блѣдная женщина подняла на нихъ усталый взоръ и сказала съ досадой:

— Что жь дѣлать! мы не беи и не купцы, намъ гулять некогда...

— Правду она говорить, сказалъ Гайрединъ.

— Правду говорить, повторилъ Джимопуло. — И хорошо дѣлаетъ бѣдный народъ нашъ что трудится. Ему нужны спокойствіе, мирный трудъ, промышленность и школы, и большой грѣхъ берутъ на душу тѣ люди которые хотятъ увлечь Грековъ несбыточными надеждами. Несчастные Критяне! Несчастные будемъ и мы если послѣдуемъ ихъ примѣру, или словамъ такихъ дураковъ какъ этотъ Корфіотъ...

— Да! сказалъ Гайрединъ: — часъ онъ выбралъ не хорошій чтобы пить за вашу вѣру.

Джимопуло проводилъ бея до дверей его дома и простился съ нимъ. Уходя, онъ напомнилъ Гайредину что спать имъ придется мало, потому что завтра будетъ меджлисъ...

— Будемъ проводить шоссе, сказалъ онъ, улыбаясь.

— На бумагѣ? прибавилъ, тоже улыбаясь, Гайрединъ.

— Наше дѣло бумага, сказалъ Джимопуло. — Пусть другіе разбиваютъ скалы и мѣсятъ грязь. Это дѣло самыхъ большихъ людей и самыхъ простыхъ, а мы, ни самые боль-

шіе, ни самые малые, должны заниматься бумагой...

Джимопуло такъ понравился Гайредину что онъ просилъ его зайти, послѣ отдыха, чтобы посовѣтоваться съ нимъ о многомъ до засѣданія въ меджлисѣ.

Спать Гайрединъ уже не могъ; велѣлъ закрыть ставни, и подать себѣ лампу, наргиле и кофе; заперся и, раздѣвшись, сталъ писать стихи.

Еще въ Константинополѣ училъ его персидской поэзіи одинъ старый Турокъ, и еще тогда старикъ говорилъ ему: „читай, читай, мой сынъ, персидскіе стихи. Персидскій языкъ это сахаръ языковъ. Стихи великое дѣло! Стихами и самъ пророкъ нашъ написалъ Ал-Коранъ. Стихъ для души человѣческой то же что пѣніе птицы въ саду. Человѣкъ-стихотворецъ, мой сынъ, самъ уподобляется саду, наполненному душистыми цвѣтами.“

V.

Дня черезъ два послѣ пирушки доктора, Пембе пришла къ Гайредину вмѣстѣ съ теткой и съ однимъ скрипачомъ. Набѣлилась, нару-

мѣнилась, насурмила немного брови, надѣла новое лиловое платье съ большими яркими букетами. По улицѣ она, какъ слѣдуетъ Турчанкѣ, открытая не ходила, а всегда въ *яшмакъ* * и черномъ *фередже*. ** Гайрединъ не узналъ ея. Но только произнесла она „паша мой“, какъ сердце бея уже забилося сильнѣе. Тетка сказала что онѣ пришли за обѣщаннымъ платьемъ и золотою курточкой. Гайрединъ щедро одарилъ ихъ, но просилъ не ходить другой разъ безъ зова, чтобы народъ не замѣтилъ, и обѣщалъ чрезъ недѣлю пригласить ихъ на пляску или къ себѣ въ домъ, или на островъ Янинскаго озера, гдѣ монастырь Св. Пантелеймона. ***

Онъ не хотѣлъ сразу обнаружить много чувства. Его удерживали и стыдъ, и осторожность.

Всю эту недѣлю Гайрединъ прожилъ ожиданіемъ. Одинъ разъ въ теченіе этихъ дней проѣхалъ онъ съ нѣсколькими другими Турками и съ Джимопуло по тому бѣдному предмѣстью гдѣ жила Пембе въ глиняной мазанкѣ. На радость его, она стояла на своемъ порогѣ и по-

* Яшмакъ — покрывало, вуаль.

** Фередже — турецкій салопъ.

*** Въ этомъ монастырѣ былъ убитъ знаменитый Али-паша Янинскій. Въ монастыри на Востокѣ имѣютъ обычай ѣздить не только на богомолье, но и для пирушекъ.

клонилаь имъ. Старикъ Джимопуло поклонился ей вѣжливо, приложивъ руку къ фескѣ, и спросилъ благодушно и шутливо о здоровьѣ:

— Какъ твоя лихорадка, дочь моя? Молодой надо быть здоровою, сказалъ онъ ей по-турски.

Другіе беи не обратили на это вниманія, а Гайрединъ проѣхалъ впередъ и чуть видно кивнулъ ей головой, даже не глядя на нее.

Подъ вечеръ онъ и всѣ его спутники возвращались по той же дорогѣ въ городъ. Какъ только вѣхали въ предмѣстье, Гайрединъ пропустилъ всѣхъ беевъ и Джимопуло впередъ, нарочно сталъ поправлять то узду, то стремя, и когда потерялъ ихъ всѣхъ изъ виду за поворотомъ, прищпорилъ лихаго коня своего, и гремя по скользкимъ камнямъ мостовой, понесся вскачь мимо бѣдной мазанки. Она уже ждала его у дверей.

— Добрый вечеръ, моя милая! сказалъ онъ ей, не останавливаясь. — Прощай, до субботы!

— Добрый вечеръ, кузумъ паша мой, отвѣчала дѣвушка, вышла за порогъ и провожала его долго глазами.

Увидѣвъ что переулокъ пустъ, онъ еще разъ обернулся, и еще разъ издали поклонился ей.

Въ субботу Пембе, по приглашенію его, плясала на островѣ Янинскаго озера.

Гайрединъ хотѣлъ пригласить на островъ всѣхъ тѣхъ Грековъ которые были на пирушкѣ доктора, но Джимопуло отговорилъ его.

— Бей-эфенди мой! Немного будетъ намъ добра отъ этихъ Корфіотовъ... Пригласите лучше турецкихъ чиновниковъ. Это будетъ и вамъ, и мнѣ полезнѣе. Теперь время смутное.

Гайрединъ послушался его. Пембе танцевала на островѣ съ такимъ одушевленіемъ и съ такою выразительностью какой еще не видалъ въ ней никто. Она была уже не въ прежнемъ старомъ платьѣ, а въ новомъ малиновомъ съ восточными пестрыми разводами и въ новой курточкѣ расшитой густо золотомъ и блестками; на блѣдной головкѣ ея былъ газовый желтый платочекъ съ цареградскою бахромой удивительной работы.

— Хорошая дѣвушка эта Пембе! Аферимъ, Пембе! Аферимъ, * дочь моя! говорили турецкіе чиновники.

Гайрединъ опять осыпалъ ее золотомъ. Дня черезъ два послѣ этого Пембе опять пришла къ

* Прекрасно! Хвалю

нему съ теткой, благодарила его, поцѣловала его руку и сказала, что послѣ всѣхъ щедротъ его, у нея будетъ хорошее приданое, и что на ней собирается жениться тотъ музыкантъ который играетъ на скрипкѣ.

— Ты, паша мой, судьбу мою сдѣлалъ, говорила она, и опять цѣловала его руку.

Гайрединъ только тутъ понялъ какъ дорога она ему. Онъ началъ уговаривать ее не выходить такъ рано замужъ и обѣщалъ со временемъ или дать ей на приданое гораздо больше того что она собрала, или даже взять ее къ себѣ въ гаремъ.

Старуха-тетка только этого и ждала.

Не нужно намъ денегъ, сказала она, — она тебя любить, во снѣ тебя видитъ. Только и говорить: „не господинъ онъ мнѣ, онъ мнѣ отецъ!“ Возьми ее къ себѣ въ гаремъ. Она все знаетъ, и жену твою почитать будетъ какъ старшую сестру... Возьми ее, паша!

На эту же ночь Пембе осталась ночевать у Гайредина.

Съ этихъ поръ Пембе начала часто ходить къ нему. Онъ сталъ оставлять ее у себя на цѣлые дни. Настала осень, начались дожди, морозы и длинные вечера, затопились веселые ка-

мины. Гайрединъ не скучалъ съ нѣжною баядеркой. Съ женой ему бывало много скучнѣе. Жена его была не разговорчива. Угощала его, кормила, подавала ему сама старательно чубукъ; хорошо смотрѣла за хозяйствомъ; но не разъ проходили цѣлые дни въ деревнѣ, а онъ не слыжалъ отъ нея ничего кромѣ: „ба! какъ жарко!“ либо „ба! какъ холодно!“ А если случалось что онъ ей говорилъ: „Сегодня жарко!“ она отвѣчала, важно покачивая головой: „Жарко. Лѣто теперь.“

Не такова была Пембе. Смѣяться сама, она, правда, почти никогда не смѣялась; изрѣдка улыбнется Гайредину, когда захочетъ приласкаться, и скажетъ:

— Поцѣлуй же меня, бѣдную, паша мой...
За то бей смѣялся съ ней много и надъ ней самой тѣшился, сердечно любуясь на ея ребячества.

Увидала она разъ на улицѣ сквозь рѣшетчатое окно гарема разнощика сластей что зовется шекерджи. Помучила она бѣднаго старика!

„Шекерджи!“ звонко кричитъ она ему изъ окна. Старикъ ставитъ подставку на земь, смотритъ „гдѣ зовутъ“, а Пембе ужъ изъ другаго,

дальнаго окна другимъ голосомъ: „шекерджи!“ Смотритъ и туда разнощикъ. Никого нѣтъ, никто не выходитъ покупать. Постоялъ и пошелъ. Опять кричатъ: „шекерджи!“ Пембе опять его зоветъ, опять прячется, пока наконецъ старикъ началъ проклинять и браниться. Тогда она послала купить у него пѣтушковъ сахарныхъ. Зимой, сидя съ Гайрединомъ у очага, Пембе то рассказывала ему о себѣ и о родныхъ своихъ, и о томъ что она успѣла видѣть на дѣтскомъ вѣку своемъ, то забавляла его всякими распросами.

— Паша, а милый паша мой! говорила она.

— Правда это, милый паша мой, что которые Турки свинину ѣдятъ, такъ Богъ ихъ наказываетъ, и они по ночамъ свиньями становятся и бѣгають?

— Кто тебѣ это сказалъ? спрашивалъ бей.

— Мнѣ это Елена, другая танцовщица наша, христіанка, говорила.

— Елена ничего не знаетъ, кузумъ Пембе, она въ школу не ходила. Какъ это можетъ человѣкъ свиньей стать. Это дѣтскія слова, дитя мое!

— Смотри ты! съ удивленіемъ воскликнула Пембе. — А я вѣдь думала это правда. Елена рассказывала Греки такъ всѣ говорятъ... А я еще хочу тебѣ одно слово сказать, паша мой. Сказать?

— Говори.

— Греки всѣ злые?

Гайрединъ смѣялся.

— Отчего всѣ? Есть и у нихъ добрые люди, во всякой вѣрѣ есть люди добрые.

— А кто добрый? Киръ-Костаки Джимопуло добрый? Я такъ думаю что онъ добры. Увидить меня, кланяется: „доброе утро, говоритъ, Пембе.“

— Костаки добрый, и другіе есть христіане добрые. У меня мать была христіанка, она тоже была женщина добрая, сладкой души, тихая женщина!

— Ба! Чтò ты говоришь! Твоя мать была христіанка!

Гайрединъ рассказывалъ ей не разъ какъ мать спасла его отца, она сама просила сызнова все это повторить, и какъ только доходилъ Гайрединъ до того мѣста какъ мать его схватила подъ устцы лошадь сераскира, Пембе вскакивала и, хлопая руками, восклицала:

— Эй в'аллахъ! Простилъ султанъ! простилъ! Хорошій былъ человѣкъ сераскиръ! Хорошая женщина была твоя мать! Эй в'аллахъ!

Видя ея радость, Гайрединъ съ восторгомъ обнималъ ее, и Пембе продолжала свои распросы и замѣчанія.

— Вотъ какой здоровый папасъ идетъ по

улицѣ. Здоровый папасъ! Борода большая какая! Взяла бы я его и зарыла бы въ землю!

— За что? спрашивалъ Гайрединъ.

— За то что онъ не нашей вѣры.

— Смотри ты, какая злая дѣвушка! Вѣдь и онъ человѣкъ, и онъ въ одного Бога вѣруетъ. Ты такихъ худыхъ словъ не говори.

— Нѣтъ, ты, паша мой, скажи мнѣ зачѣмъ не всѣ люди одной вѣры? Пусть бы всѣ какъ мы были. Такъ я скажу: нашъ законъ очень хорошій. Жену ты свою любишь, и меня возмешь въ гаремъ и будешь любить. А у гяуровъ все одна жена. Старая, старая она станетъ; а онъ все любить ее. Дурной законъ. Зачѣмъ это такъ?

— Аллахъ знаетъ что нужно, объяснилъ ей Гайрединъ: — онъ видитъ „какъ черная мурашка черной ночью ползетъ по черному камню!“

— Это въ книгахъ сказано?

— Въ книгахъ, отвѣчалъ Гайрединъ.

— А! въ книгахъ! восклицала серьезно Пембе. — Прекрасныя слова! Очень я люблю слышать хорошія слова.

Весь городъ зналъ о связи Гайредина съ Цыганкой; но виду ему никто не показывалъ. Только Джимопуло и доктору Петропулаки онъ довѣрялся самъ; при нихъ у него Пембе плясала

и пѣла открыто. Она просилась совсѣмъ бросить свое ремесло и перейти на житье въ его домъ. Но онъ не хотѣлъ на это согласиться, не предупредивъ жену.

Пембе продолжала плясать по разнымъ домамъ, а когда Гайрединъ задерживалъ ее у себя, тетка говорила всѣмъ что Пембе больна.

Музыканты поправили свои дѣла, наняли квартиру получше и поближе къ дому Гайредина; даже другія двѣ танцовщицы, христіанки Елена и Маригò, одѣлись за-ново на деньги бея. Онъ и ихъ ласкалъ и дарилъ, чтобы всѣ жалѣли Пембе и уважали ее.

Докторъ хвалилъ бея за эти дѣла и говорилъ ему:

— Жизнь есть вездѣ, другъ мой. Женщины есть и въ гнусной Янинѣ нашей. Надо умѣть отыскать ихъ. Я поклонникъ Эпикура и хвалю тебя за то что ты умѣешь наслаждаться прекраснымъ! Хвалю! Хвалю! Клянусь тебѣ что я хвалю тебя.

Джимопуло, напротивъ того, качалъ головой и говорилъ:

— Не хорошо!

Не хорошо было одно: Пембе возненавидѣли слуги бея. Сначала она и ихъ забавляла: мѣ-

шалась во все; считала куръ и утокъ; заглядывала въ шкапы; сама ходила на колодезь за водой; люди смѣялись. А потомъ она стала ужъ слишкомъ часто посылать ихъ туда-сюда. „Иди!“ говорила такъ повелительно. Иногда и въ спину толкнетъ, или за рукавъ дернетъ грубо. Больше всѣхъ не взлюбилъ ее Юсуфъ, молодой Арабъ, который ходилъ за беемъ. Онъ и самъ былъ сердитый и самолюбивый лгунъ. Въ кухнѣ люди нарочно заставляли его рассказывать всякія небылицы, и онъ часто забывалъ самъ что говорилъ день тому назадъ; то онъ нашелъ два года тому назадъ на ярмаркѣ 5.000 піастровъ и всѣ ихъ отдалъ займы добрымъ людямъ безъ росписокъ; то нашелъ всего 50 піастровъ; то убивалъ трехъ разбойниковъ; то каялся что самъ съ ними ходилъ на добычу; то онъ служилъ два года тому назадъ у англійскаго купца-богача, пилъ съ нимъ кофе, влюбилъ въ себя его жену, „А мужъ что?“ — „Мужъ хотѣлъ убить и меня и ее“, рассказывалъ онъ одинъ разъ. А другой разъ говорилъ: „Гдѣ ему, дураку, знать! онъ не зналъ.“

Съ этимъ Юсуфомъ больше всѣхъ поссорилась Пембе въ домѣ бея. Сначала онъ ей льстилъ.

— Ханумъ! * говорилъ онъ ей, угощая ее, когда она приходила раньше бея и скучала безъ него. — Ханумъ-эфендимъ! Возьметъ тебя за себя нашъ бей, я думаю что возьметъ. Я тогда отъ тебя моей службой наживу много денегъ,

— Что жь ты, дурачокъ, съ деньгами сдѣлаешь? смѣялась Пембе.

— Куплю барановъ и пойду считать ихъ въ горы въ большой новой фустанеллѣ! Всѣ позавидуютъ и скажутъ: „Аманъ! Аманъ! Это вѣдь Юсуфъ! Другаго нѣтъ у насъ такого!“

Пембе доставала Юсуфу денегъ отъ бея, Юсуфъ угощалъ ее; все было сначала хорошо. Но какъ стала она посылать его безпрестанно то за халвой, то за сардинками, Юсуфъ началъ обижаться и разъ сказалъ: „Довольно тебѣ ѣсть да лакомиться! Надоѣла ты мнѣ!“

Пембе пожаловалась бею, бей побранилъ Юсуфа; а Юсуфъ пошелъ вездѣ рассказывать что бей прибилъ его, честнаго слугу, изъ-за Пембе, и что Пембе не дѣвушка, а шайтанъ, дьяволъ!

Скоро чрезъ Юсуфа и до семьи Гайредина стали доходить о немъ и о Пембе худые слухи.

* Ханумъ, госпожа.

VI.

Жизнь восточныхъ городовъ не шумна и не спѣшна. Въ Янинѣ по улицамъ не гремятъ экипажи, и дома кажутся погруженными въ непробудный сонъ.

Но кто хочетъ трудиться, найдетъ себѣ довольно дѣла и въ этихъ странахъ. Гайрединъ-бей не былъ лѣнивъ. Пользуясь совѣтами Джимопуло, которому не все было ловко говорить и дѣлать самому, онъ приносилъ довольно много пользы, и паша сталъ гораздо внимательнѣе обращаться съ нимъ. Однажды оставилъ онъ его у себя на долго, и раскрывъ предъ нимъ карту Эпира и Сѣверной Албаніи, спрашивалъ его мнѣнія о дорогахъ и о политическомъ настроеніи страны. Гайрединъ о духѣ населенія отвѣчалъ уклончиво, но о дорогахъ говорилъ такъ хорошо, что Феимъ-паша пожалъ ему крѣпко руку и благодарилъ его. Почтительная скромность, благодушіе и достоинство, съ которыми держалъ себя молодой бей, стали тоже нравиться пашѣ, и онъ даже разъ сказалъ ему:

— Я бы васъ гдѣ нибудь мутесарифомъ * сдѣлалъ.

Гайрединъ отвѣчалъ что отецъ его уже старъ и некому заниматься имѣніемъ.

Другой разъ паша хотѣлъ испытать его и сказалъ невзначай!

— Албанцы ваши, я думаю, не забыли время Гіонни-Лекка и другія возстанія.

— Времена Гіонни-Лекка отъ насъ далеки, паша господинъ мой, отвѣчалъ бей.

— Не такъ далеки! сказалъ паша.

— А времена Гриваса еще ближе, паша господинъ мой.

— Конечно, времена Гриваса ближе! согласился паша, не сводя глазъ, и отпустилъ его ласково.

Времена Гриваса казались точно близкими. Имперія опять стояла на краю гибели. Въ Критѣ упорнѣе прошлогодняго стояли гордые Греки за свои поправныя права. Одинъ паша смѣнялъ другаго на обагренномъ кровью островѣ; войско за войскомъ слали Турки въ Критъ; но бунтъ не утихалъ, и дерзкіе пароходы выбирали самые бурные дни чтобы быстрѣе вѣтра

* Мутесарифъ, губернаторъ, ниже чѣмъ вали (генераль-губернаторъ, намѣстникъ).

уходить отъ султанской эскадры и везти подмогу непокорнымъ. Аѳины кипѣли, взоры государственныхъ людей всего міра были устремлены съ безпокойствомъ и вниманіемъ на Эпиръ. Турки вездѣ думали видѣть измѣну и подкопы и ожесточались сильнѣе и сильнѣе...

Легче и легче дышалъ отважный Грекъ на высокихъ стремнинахъ Эпирскихъ горъ. Уже въ округѣ Аграфы показались клефты...

Цѣлый пикетъ турецкій въ небольшой горной казармѣ вырѣзали ночью Греки, и скрылись. Раздраженіе росло.

Феимъ-паша не падалъ духомъ; напротивъ того, онъ сталъ спокойнѣе, и какъ будто ждалъ съ радостью волненія, чтобы имѣть отраду жестоко подавить его своею рукой.

Однажды Гайрединъ-бей позднимъ вечеромъ сидѣлъ одинъ у очага и читалъ цареградскія газеты, спрашивая себя: правда ли все это что пишутъ въ нихъ, правда ли будто Пруссія, Америка и Россія рѣшились измѣнить строй Европы. Онъ спрашивалъ себя что станетъ съ его дикою родиной, свободна ли будетъ она, подѣлятъ ли ее сосѣди, если Вратамъ Блаженства (Константинополя) суждено пасть. Въ дверь постучался поздній гость. Съ удивленіемъ

велѣлъ бей Юсуфу впустить его, и увидалъ старика Джимопуло. Онъ самъ несъ фонарь, платье его было мокро отъ дождя.

У Джимопуло былъ молодой братъ, патріотъ и писатель, который долго жилъ въ Корфу и печаталъ пламенные статьи противъ Англіи и Турціи. Еще юношей, въ Корфу, во времена протектората, онъ одинъ изъ первыхъ кинулся на протестантскаго священника который у раки Св. Спиридона осмѣлился смѣяться надъ мощами и просвѣщать по-своему народъ. Молодой Джимопуло одинъ изъ первыхъ кинулся на проповѣдника, разорвалъ ему одежду, и когда тотъ успѣлъ скрыться въ крѣпость, онъ былъ одинъ изъ тѣхъ которые весь день осаждали ее, требуя выдачи дерзкаго попа. Онъ былъ замѣченъ Англичанами, и хотя лордъ-коммисаръ и сдѣлалъ всѣ уступки корфіотскому народу, изгналъ священника и прибилъ вездѣ объявленія о томъ что отнынѣ будетъ строго охраняться святыня народной вѣры Грековъ, но молодой энтузіастъ остался у него на худомъ счету и скоро покинулъ Корфу.

Младшій Джимопуло имѣлъ греческій паспортъ и съ нимъ, немного спустя послѣ разгара критскаго движенія, являлся не разъ въ Эпиръ,

исчезалъ и являлся вновь. Къ его несчастію, Турки, имѣли основеніе не признавать его греческимъ подданнымъ и слѣдили за нимъ зорко. Въ тотъ вечеръ когда старшій братъ его пришелъ къ Гайредину, онъ узналъ что его обвиняютъ въ сношеніяхъ съ „разбойниками“ (такъ звали Турки народъ поднявшійся въ Аграфъ). Надо было спѣшить; старшій Джимопуло, который всегда держалъ себя вдалекѣ отъ восторженнаго брата, но любилъ и жалѣлъ его по узамъ крови, не теряя присутствія духа, рѣшился спасти его. Гибель энтузіаста была бы безплодною жертвой для родины. Живъ на свободѣ, онъ могъ еще потрудиться для нея и перомъ, и словомъ, и рукою.

Джимопуло не сказалъ Гайредину что братъ его *сдѣлалъ*; сказалъ лишь въ чемъ его такъ жестоко и несправедливо подозрѣваютъ. Гайрединъ понялъ его.

Албанецъ вѣренъ другу и любить все лихое. Не долго думалъ Гайрединъ, послалъ Юсуфа за шампанскимъ на другой конецъ города, призвалъ сеиса-Грека, велѣлъ ему снести къ младшему Джимопуло албанскую одежду и записку, которую написалъ ему братъ дрожащею рукою, умоляя ее сжечь, и чрезъ полчаса моло-

дой Джимопуло уже былъ тутъ и съ жаромъ благодарилъ бея.

— Мы друзья съ вашимъ братомъ, отвѣчалъ добрый Гайрединъ.

Юсуфъ вернулся съ шампанскимъ раньше чѣмъ ожидали, Гайрединъ заранѣе уже спряталъ молодаго Грека, вышелъ какъ бы ненавстрѣчу Юсуфу и послалъ его въ другую лавку за сардинками.

— Лавки заперты, сказалъ Юсуфъ.

— Иди, оселъ, сказалъ ему бей, — и пусть отопрутъ. Перелѣзь черезъ заборъ и стучись въ заднюю дверь. А если не принесешь сардинокъ, не жди отъ меня добра.

Юсуфъ съ негодованіемъ потрясъ одежду на груди своей и сказалъ себѣ; „Опять эту Цыганку кормить и поить онъ хочетъ!“

За сардинками Юсуфъ ходилъ полтора часа; съ сердцовъ зашелъ еще въ одну кофейню; курилъ тамъ долго, пилъ и пѣлъ какъ „Юсуфъ-Арабъ воевалъ“; смѣшилъ Грековъ и, наконецъ, вздохнувъ, всталъ и сказалъ:

— Судьбы у тебя нѣтъ, Юсуфъ. Все у тебя есть: судьбы только нѣтъ.

Когда онъ вышелъ изъ кофейни, радуясь

что Пембе голодна и ждетъ сардинокъ, младшій Джимопуло былъ уже далеко.

Въ албанской одеждѣ, на лошади бея, и съ однимъ только провожатымъ Грекомъ, скакалъ онъ въ темнотѣ по камнямъ до той горной деревни, гдѣ надѣялся найти друзей. Сто разъ и онъ, и слуга бея были на краю гибели; лошади скользили по стремнинамъ: луна свѣтила слабо сквозь дождливыя облака, но къ утру они были уже на мѣстѣ, и когда бѣглець хотѣлъ дать денегъ сеису, тотъ сказалъ ему съ упрекомъ:

— Вы за что хотите дать мнѣ денегъ? Я радъ и тому что христіанскую душу спасъ. Нашъ бей и Турокъ, а пожалѣлъ васъ; что же, скажите, хуже мнѣ Турка быть? Я, слава Господу Богу, самъ христіанинъ православный. А вамъ я желаю, господинъ мой, добраго пути!

Изъ деревни до деревни добрался осторожно младшій Джимопуло до морскаго берега, и чуть живой отъ качки и волненія, переѣхалъ на рыбачьей парусной лодкѣ въ Корфу.

Юсуфъ принесъ домой сардинки со страхомъ. „Ну, какъ дастъ онъ мнѣ добрый кулакъ!...“ думалъ онъ. Но у бея всѣ были веселы; самъ бей читалъ газеты у камина съ Джимопуло и смѣялся.

— Молодецъ, Юсуфъ, сказалъ Джимопуло.
— Сказано, Арабъ-ага! Такого нѣтъ въ Янинѣ
другаго. Открывай сардинки, и пробку пусти
на воздухъ.

И бей не сказалъ ничего Юсуфу; только
велѣлъ не отлучаться ни на минуту отъ дверей,
чтобы не ходить звать его, когда будетъ нужно.

Джимопуло посовѣтовалъ бею распорядиться
такъ, а то Юсуфъ замѣтитъ что лошадей и сей-
са нѣтъ.

Когда Джимопуло ушелъ, Юсуфъ уже былъ
такъ утомленъ что заснулъ на мѣстѣ, а сейсѣ
вернулся на разсвѣтѣ и убралъ лошадей.

Черезъ два, три дня на квартирѣ младшаго
Джимопуло былъ обыскъ, его требовали въ Порту.
Греческій консулъ протестовалъ, основываясь на
томъ что младшій Джимопуло не райя, а гре-
ческій подданный. Старшій братъ на вопросъ
паши отвѣчалъ, ни мало не смущаясь, что онъ
не знаетъ гдѣ братъ, но полагаетъ что онъ дол-
женъ быть въ сторонѣ Загоръ, потому что три
дня тому назадъ онъ поутру зашелъ проститься
съ нимъ и еще спрашивалъ у него, „стоить ли
братъ для такого малаго путешествія паспортъ
отъ греческаго консула“. „А я, паша, госпо-
динъ мой, сказалъ ему что не стоить.“

— Это было не совсѣмъ правильно, замѣтилъ мрачно паша.

— И неправильно, и неразумно, отвѣтилъ Джимопуло, улыбаясь и не сводя глазъ съ грознаго правителя. — Неразумно, потому что, зная молодость и шальную голову моего брата, я долженъ былъ бы поберечь себя и заставить его взять паспортъ... Но онъ обманулъ и меня!

— Не безпокойтесь, сказалъ паша благосклонно. — Мы знаемъ и васъ, и вашего брата!

И отпустилъ его.

Въ Загорахъ младшій Джимопуло не отыскался. Греческій консулъ тоже не могъ найти его и удивлялся что онъ не взялъ паспорта.

Старшій братъ вездѣ отзывался о бѣглецѣ сухо, и вскорѣ вѣрный человѣкъ доставилъ въ Порту секретное письмо Костаки къ брату въ Корфу. „Любезный другъ и братъ мой Маполи,“ писалъ онъ, —

„съ грустью узналъ я о томъ что ты обманулъ меня и тайно бѣжалъ въ Корфу. Мнѣ кажется, ты бы сдѣлалъ лучше, еслибы взялъ тескере въ Портѣ. Ты бы долженъ былъ подумать и о моей семьѣ, которая тебѣ всегда оказывала столько дружбы и братской любви. Ты знаешь, я не раздѣляю вашихъ мечтаній о „великой идеѣ“. Конеч-

чно, въ Турціи неправосудія еще много; подати мѣстами обременительны; заптіе грабятъ тайкомъ народъ; таково положеніе дѣлъ во всей Турціи; въ Эпирѣ сверхъ того селянинъ не имѣетъ собственности и состоитъ до сихъ поръ въ вассальныхъ отношеніяхъ къ беямъ. Но и Турція идетъ впередъ; народу нашему необходимы цивилизація и мирный трудъ; покорностію султану и благо-разумною защитой нашихъ правъ мы скорѣе достигнемъ благоденствія нежели возстаніями и кровавыми жертвами. Не вѣрь, дорогой братъ, въ торжество несчастныхъ Критянъ; противъ нихъ вся Европа, а одна единовѣрная Россія не можетъ вступить въ ужасную борьбу со всѣмъ міромъ для того чтобы поддержать ихъ. Повѣрь мнѣ, я лью горькія слезы надъ судьбой моихъ соотчичей; но для того чтобъ я могъ пожертвовать дорогою семьей моею и моимъ благоденствіемъ, я долженъ вѣрить въ будущее...

„Когда ваша „великая идея“ восторжествуетъ, не скрою, я буду радъ. И во мнѣ течетъ кровь Мильтіадовъ и Аристидовъ! Но теперь я служу султану, я получаю деньги за мой трудъ, и повѣрь мнѣ что и на этомъ поприщѣ можно дѣлать добро своему народу. Ты молодъ и полонъ энтузіазма; я старъ, имѣю семью и лично отъ Турокъ, кромѣ добра, ничего не видалъ. Предъ неожиданнымъ побѣгомъ твоимъ, который, безъ сомнѣнія, компрометтировалъ и меня, ты просилъ у меня денегъ для вашихъ предпріятій; я отка-

залъ; ты просилъ пожертвовать, по крайней мѣрѣ, для женъ и дѣтей критскихъ, для этихъ, невинныхъ созданій которыя терпятъ нужду и голодъ въ Греціи, — я не могу рѣшиться и на это: если турецкое начальство узнаетъ это, оно не повѣритъ чистотѣ моихъ намѣреній и скажетъ что я жертвую не для женъ и дѣтей критскихъ, а на оружіе и продовольствіе бунтующимъ!“

Затѣмъ слѣдовало прощанье, поклоны и просьбы не писать, чтобъ еще болѣе не компрометтировать родныхъ. Потомъ было нѣсколько похвалъ пашѣ...

Паша прочелъ это письмо при нѣсколькихъ приближенныхъ своихъ.

Турки слушали съ напряженнымъ любопытствомъ. Старый дефтердаръ былъ очень доволенъ и воскликнулъ съ уваженіемъ:

— Умный, очень умный человѣкъ!

— Да! очень умный человѣкъ, отвѣчалъ паша съ улыбкой. — Такой умный человѣкъ что вѣрно это письмо не случайно попало въ наши руки! И невиннымъ женамъ, и дѣтямъ Критянъ онъ, конечно, найдетъ средство послать деньги.

— Одноко это только думать можно, возразилъ старикъ, — а доказать нельзя.

— Очень жаль что доказать нельзя, сказалъ паша.

И велѣлъ отправить письмо по адресу, и къ Джимопуло не только не переѣхался, но сталъ къ нему еще внимательнѣе. Джимопуло и это замѣтилъ.

VII.

Не задолго до Рождества у Турокъ начался Рамазанъ. Гайрединъ собрался посѣтить свою семью. Простившись съ Пембе, молодой бей тронулся въ путь; до имѣнія отца было двое сутокъ ѣзды; ночи были зимнія, длинныя; по горамъ надо было ѣхать шагомъ, подъ дождемъ; надо было сидѣть въ грязныхъ, холодныхъ хатахъ до разсвѣта; въ хатахъ не спалось; очагъ дымилъ; вѣтеръ рвалъ ставни съ оконъ, врывался въ щели и разносилъ дымъ по комнатѣ.

Всю ночь бей курилъ, пилъ кофе и думалъ о Пембе.

„Уговорю ли я жену взять ее въ гаремъ и жить съ ней мирно.“

Онъ нѣсколько боялся своенравія Пембе; но за то вспоминалъ что она умна, а жена, думалъ онъ, сговорчива. Иногда, оставаясь одинъ, вспоминая о ребячествахъ Пембе. „Она будетъ тѣшить жену, и жена будетъ хорошо жить съ ней!“ думалъ онъ, радуясь.

То вспоминалъ онъ Иззедина; вспоминалъ какъ Иззединъ еще два года тому назадъ былъ малъ, говорилъ дурно и, показывая пальцемъ на луну, звалъ ее къ себѣ. А теперь Иззединъ каждый вечеръ бѣжитъ барановъ считать, играетъ съ ягнятами, и проситъ уже чтобъ ему купили ятаганъ.

Съ такими веселыми мыслями легки показались ему и тягости зимняго пути.

Когда онъ пріѣхалъ, отецъ далъ ему ласково поцѣловать свою руку, пригласилъ сѣсть, и велѣлъ самъ подать ему наргиле. Замѣтилъ Гайрединъ только одно: старикъ посмотрѣлъ на него изподлобья, когда сказалъ ему: „Я думаю, ты весело пожилъ въ Янинѣ?“

Ужъ не узналъ ли онъ про Пембе?

Всѣ были рады Гайредину въ домѣ: жена, дѣти, слуги... Весь домъ оживился и поднялся встрѣчать его. Пока онъ шелъ по лѣстницѣ, сколько рукъ хватали его руку и цѣловали ее, поздравляя съ пріѣздомъ! Двѣ прислужницы, молодыя Гречанки, изъ сосѣдняго села, которыя мыли бѣлье на гаремъ его, и тѣ подошли стыдливо къ рукѣ его и сказали:

— Живи, господинъ нашъ, живи до глубокой старости!

Онѣ благодарили его за подарки, которые онѣ, по природной добротѣ своей, еще прежде прислалъ всѣмъ слугамъ.

Собравшись съ духомъ, онѣ сказалъ на утро, женѣ своей о томъ что хочетъ взять къ себѣ танцовщицу. Эмине-ханумъ, ни слова не говоря, заплакала.

— О чемъ ты плачешь? спросилъ тронутый бей.

— О горькой судьбѣ моей плачу! отвѣчала жена.

— Какая же твоя судьба? сказалъ Гайрединъ съ досадой.

— Судьба моя горькая! отвѣчала Эмине-ханумъ.

И больше ничего, кромѣ рыданій, не слышалъ отъ нея Гайрединъ цѣлый день.

Все веселье Гайредина пропало; ужъ и мальчика онѣ не радъ былъ видѣть. Вздыхалъ оставаясь одинъ, и отецъ становился ему въ тягость, когда звалъ его говорить о хозяйствѣ или политикѣ.

— Будетъ война! говорилъ старикъ.

— Думаю что будетъ! подтвердилъ Гайрединъ.

И Богъ знаетъ сколько и такой отвѣтъ казался ему тяжекъ.

— Будетъ война! продолжалъ старикъ. — Какихъ народовъ, какихъ государствъ нѣтъ на свѣтѣ! Очень много есть девлетовъ. Есть и малые девлеты. Много смѣху намъ было, когда въ пятьдесятъ четвертомъ году услышали мы что Сардинъ-девлетъ воюетъ! Ну, Франція большой девлетъ, Англія; Россія очень большой девлетъ... Про нашу благословенную Богомъ страну я ужъ и не говорю... Двадцать и болѣе народовъ покорны падишаху! Ну, пусть бы еще Грандебуръ-* девлетъ воевалъ. У нихъ Фридрихъ былъ король знаменитый и кралицу нѣмецкую много разъ побѣждалъ. Это я все знаю! А ты скажи, государь мой, не на смѣхъ ли это сказано: „Сардинъ-девлетъ“ съ большими вмѣстѣ на войну собрался и на Крымъ пошелъ! Много смѣху намъ тогда было. Старикъ молла тогда заболѣлъ отъ смѣха. Только скажи ему „Сардинъ-девлетъ!...“

— Теперь это все перемѣнилось, отвѣчалъ Гайрединъ, черезъ силу улыбаясь отцу.

Видѣлъ старикъ что сынъ не веселъ, но го-

* Грандебуръ; Бранденбургъ, Пруссія.

ворить ему о Пембе, о которой давно зналъ по слухамъ, не хотѣлъ. „Либо гнѣваться на него, либо молчать. Помолчу до времени!“ говорилъ себѣ Шекиръ-бей.

Эмине-ханумъ послала своихъ служанокъ за Юсуфомъ, покрылась, вышла къ нему и спрашивала у него какова Пембе.

— Цыганка, одно слово! сказалъ Юсуфъ. — Открытая при людяхъ пляшетъ. На колѣни ко всѣмъ Грекамъ садится.

— Душа у нея хорошая? спросила Эмине.

— Самая злая! отвѣчалъ Юсуфъ и разсказалъ опять какъ бей будто бы прибилъ его за нее.

— Звонче монастырскаго колокола ухо мое зазвенѣло! увѣрялъ онъ, и осыпалъ проклятіями злую Цыганку.

Эмине-ханумъ не повѣрила всему что говорилъ Юсуфъ, она знала давно какъ много онъ лжетъ; но вечеромъ сама завела разговоръ съ мужемъ и сказала ему:

— Твоя Пембе злая, и ты сталъ злой. Ты Юсуфа прибилъ за нее, говорятъ наши дѣвушки въ гаремѣ; — а прежде ты слугъ никогда не билъ.

— Я Юсуфа прогоню, отвѣчалъ бей блѣднѣя. — А что она злая и безпутная, ты не вѣрь.

— Цыганка она, танцовщица, какой же ей быть? сказала Эмине.

— Она не Цыганка: она арнаутской крови и родилась въ Битолѣ, отвѣчалъ бей. — А что она танцовщица, это не бѣда. Возьму ее въ гаремъ мой, тогда предъ другими она танцовать не будетъ. А предъ тобой пусть танцуетъ. Тебя веселить она будетъ и тебя слушаться. Она дѣвушка умная и будетъ служить тебѣ, султанша ты моя.

Эмине опять заплакала и сказала мужу:

— Возьми ее въ гаремъ, а я уѣду къ отцу, пойду къ кади, и поставлю башмакъ мой предъ кади носкомъ впередъ, и скажу: „не стерпѣть этого душа моя. Я моего мужа люблю.“ Разведетъ меня съ тобой кади, а ты живи съ Цыганкой и женись на ней, если дѣтъ у тебя стыда, и если сѣдой отцовской бороды тебѣ во все не жаль!

Видѣлъ съ большимъ горемъ и старый Шекиръ-бей что у сына въ гаремѣ раздоръ; онъ узнавалъ все чрезъ вѣрныхъ старыхъ слугъ, которые душевно дѣлили его печаль. Не хотѣлъ онъ и сына дорогаго огорчить, и невѣстку кроткую обидѣть.

Думалъ онъ крѣпко обо всемъ этомъ и сказалъ сыну:

— Пора бы тебѣ въ Янину ѣхать. Только, какъ погода станетъ лучше, не прислать ли мнѣ тебѣ жену и дѣтей? Жена твоя также давно въ вилаетѣ не была. Пусть не скучаетъ. Скоро будетъ Байрамъ; пусть она съ тобой конецъ Рамазана проведетъ, въ дружескіе дома походить и повеселится. Ты и къ Гречанкамъ ее отпускай, въ хорошіе, честные дома... Ну, что скажешь объ этомъ моемъ словѣ?

Гайрединъ не сталъ противорѣчить отцу, и велѣлъ женѣ собираться какъ только перестанутъ дожди.

Радъ онъ ея пріѣзду въ Янину не былъ; но все еще надѣялся уговорить ее не разставаться съ нимъ и взять въ домъ Пембе.

VIII.

Дорогой Гайредину пришла мысль принять предложеніе Феимъ-паши и поступить на службу. Мѣстъ было много еще незанятыхъ: паша желалъ побольше новыхъ чиновниковъ чтобъ управлять ими по-своему. Уѣхалъ бы Гайрединъ въ новое мѣсто, взялъ бы Иззедина съ собой;

потомъ пріѣхала бы и Пембе туда. А жена не требовала бы развода, соскучилась бы безъ него и уступила бы по-немножку.

Возвратясь въ Янину, онъ засталъ Пембе очень больною, и ему было очень горько видѣть что она лежитъ на бѣдномъ одрѣ, и что ей нѣтъ покоя отъ шума и тѣсноты. Перевести ее въ домъ къ себѣ предъ пріѣздомъ жены онъ не могъ.

Тогда у него еще больше разгорѣлась охота поступить на службу и уѣхать скорѣе изъ Янины.

Онъ сказалъ объ этомъ дефтердару, и старикъ взялся напомнить пашѣ о прежнихъ предложеніяхъ. Гайрединъ не ждалъ отказа, но паша велѣлъ ему передать „что часъ тотъ прошелъ. Надо было тогда принять, когда говорили. У султана много есть чиновниковъ.“

Послѣ этого оскорбленія и Гайрединъ возненавидѣлъ пашу, а Феимъ-паша опять сталъ обращаться съ нимъ дурно. Гайрединъ въ первомъ же засѣданіи меджлиса отказался приложить печать къ одному дѣлу которое находилъ неправымъ.

— Для чего мы засѣдаемъ здѣсь? спросилъ паша. — Скажите!

— Съ вашего позволенія, для того, я такъ

думаю про себя... чтобъ облегчить подданныхъ падишаха и не обременять ихъ... отвѣчалъ Гайрединъ.

Извинился еще разъ и все-таки не приложилъ печати.

Дѣло прошло и безъ его печати.

Этого мало. Паша сказалъ однажды что всѣ видятъ въ какомъ порядкѣ при немъ стала полиція. Гайрединъ, выслушавъ это, разсказалъ какъ въ ханѣ на дорогѣ жаловался ему со слезами греческій мальчикъ на то что заптіе*, нанявъ у него лошадь на шесть часовъ ѣзды, заставилъ его пѣшкомъ бѣгать за собой все время; не хотѣлъ ѣхать шагомъ, а когда пріѣхалъ на мѣсто, то далъ ему пощечину вмѣсто платы и выгналъ его. Потомъ Гайрединъ прибавилъ еще какъ разъ запоздалъ ночью въ деревнѣ и заѣхалъ въ глушь гдѣ кромѣ колючихъ кустовъ не было ничего. Темнота была страшная, и кромѣ одного дальняго огонька не было видно ничего. Такъ пробылъ Гайрединъ около часу; хоть и зналъ что отцовскій домъ близко, но ужъ и лошадь сама боялась идти впередъ. Услыхалъ онъ, наконецъ, что свищетъ кто-то пѣсню: сталъ

* Заптіе — турецкій жандармъ.

звать, замолкъ чловѣкъ; обѣщаль Гайрединъ деньги, звалъ, просилъ, клялся что онъ не воръ и не разбойникъ, обѣщаль еще больше денегъ: пришелъ наконецъ молодой пастухъ Влахъ, и какъ узналъ его, такъ поцѣловалъ его руку и обрадовался. „Чего же ты боялся? спросилъ я его“, рассказывалъ Гайрединъ. „Думалъ я, говоритъ онъ мнѣ, что это заптѣ нарочно при- творяется и зоветъ меня чтобы на мой счетъ въ ханѣ *раки* выпить или денегъ съ меня взять. Такъ они съ нами дѣлають.“

— А пастухъ этотъ, продолжалъ еще Гайрединъ, — такъ бѣденъ что отъ хозяина тридцать *піастровъ* въ годъ получаетъ, и когда далъ я ему золотую лиру, то онъ просилъ меня размѣнять ее на мелочь; боялся, не обочли бы его другіе, потому что онъ лиры никогда еще не видалъ!....

Паша съ бѣшенствомъ слушалъ эти рассказы; но Гайрединъ держалъ себя такъ почти- тельно, говорилъ такъ скромно такъ часто прибавлялъ „паша господинъ мой“, и даже такъ вѣжливо и лукаво прибавлялъ:

— Все это я сказалъ вашему превосходительству лишь для того чтобы высокія ваши по-

печенія о вилаетѣ не были безплодны, чтобъ отъ васъ не скрывалось зло.

Такъ онъ все это сказалъ хорошо что паша могъ только выговорить.

— Грекамъ и Влахамъ тоже нельзя всегда вѣрить... Не правда, ли, Киръ-Костаки? спросилъ онъ у Джимопуло...

— Конечно, отвѣчалъ Костаки, — во всякомъ народѣ есть ложь, но что бей говорить, это правда, къ сожалѣнію.

На другой день Гайредину было дано знать что его исключили изъ меджлиса. „Я не чиновникъ,“ сказалъ онъ, „это противъ устава!“ Но огорчить его это не могло. Домашнія мученія его были много сильнѣе.

Скоро весь гаремъ его поднялся изъ Дельвино. Старухи Арабки, молодая Гречанки-прислужницы, всѣ верхами сопровождали Эминеханумъ. Сама она попеременно съ евнухомъ везла на сѣдлѣ Иззедина. Кругомъ ѣхали вооруженные слуги, около женщинъ шли пѣшкомъ провожатые и сводили подъ устцы лошадей на стремнинахъ.

Толпою, со смѣхомъ, говоромъ и ржаньемъ, въ ѣхали они въ широкія ворота на дворъ Гайредина. Оживился домъ, но души радостной у

хозяина не было! Бей не долго думалъ, онъ опять сталъ говорить о Пембе, а жена опять стала плакать и грозить разводомъ.

Двѣ недѣли Гайрединъ видался съ Пембе у одной старой Гречанки въ бѣдномъ домикѣ предмѣстїя. На горе его былъ Рамазанъ, и весь день проводить ему слѣдовало дома, не гуляя и не работая: нельзя было ѣсть, нельзя было пить до ночи. Это бы онъ терпѣлъ, потому что отдыхалъ ночью въ бѣдномъ домикѣ съ Пембе, и съ нею вмѣстѣ ужиналъ тамъ, но днемъ нельзя было и наргиле спросить дома, и въ кофейню итти и курить было непристойно.

Что было дѣлать? Онъ пытался спать, и не могъ спать крѣпко и долго.

Жена его тоже, видя тоску его, ревновала и жаловалась. Родные ея посѣщали гаремъ и своими наговорами и совѣтами еще больше растравляли рану любви ея.

Была у нея старуха-тетка, богатая женщина, старуха такая смѣлая что не знала людскаго страха, а только Бога и закона боялась.

— Я тебѣ скажу про себя, кузумъ Эмине, говорила она, — я никого не боюсь. Знаешь ты что такое русскій консуль? Россія — великій девлетъ... Сильнѣе Русскихъ нѣтъ народа. И

на здѣшняго консула ты не смотри что онъ молодой и худенькій. И онъ московскій человѣкъ. Замерзло озеро въ Янинѣ. Паша не велѣлъ людямъ ходить по льду, и народъ на островѣ безъ хлѣба остался; кто пошелъ по льду? Московъ первый пошелъ, а за нимъ и другіе, и людямъ хлѣбъ отнесли! Наши солдаты вьючили разъ муловъ, а онъ ѣхалъ одинъ верхомъ... Жеребецъ подъ нимъ огонь. Наши видятъ, каваса нѣтъ съ нимъ. Значить: не знаемъ его лица, и не даютъ дороги. А онъ, собака Московъ, отъѣхалъ назадъ, и какъ пустить на нихъ жеребца. И солдаты, и мулы, и вьюки попадали... А онъ, собака невѣрная, и проѣхалъ! Очень я разсердилась на него за солдатъ нашихъ. Встрѣтила его въ переулкѣ, и остановилась. Смотри, говорю я, что я тебѣ сдѣлаю. И стала кричать на него: „собака, свинья, собачій сынъ, Московъ-гяуръ, зачѣмъ ты сюда зашелъ? Зачѣмъ, дьяволъ, въ городъ нашъ заѣхалъ!...“ Поглядѣлъ онъ на меня, сухой человѣкъ, глаза большіе, страшные. А я его еще больше срамитъ стала и руками на него машу. А онъ усмѣхнулся и пошелъ. Это я тебѣ говорю, я никого не боюсь! А мужа почитаю... Мужъ мой тихій и боится меня. „У моей жены, говоритъ,

палка въ рукѣ какъ у Абдула-паши (у твоего отца) сабля, молитвой заговорена. Никуда отъ ея палки не уйдешь!“ Вотъ я какая! Злая я, кузумъ Эмине. А законъ знаю. Вижу что постарѣла. Сама на прошлый Байрамъ мужу Черкешенку купила. Три тысячи піастровъ дала! Сама слушала ночью не храпитъ ли, сама мочила ей подошвы водой и ставила на полъ босую, глядѣла, красивый ли слѣдъ ея ножка даетъ. Ей шестнадцать лѣтъ, и она нѣжна какъ цвѣтокъ садовый! И стала она мнѣ какъ дочь. На чемъ я сплю, спитъ и она на томъ; я пью кофе, и она пьетъ; какой хлѣбъ я ѣмъ, и она такой же ѣстъ. Бью я ее въ худой часъ, лгать я не стану. Да она молода, ума еще нѣтъ, за это я ее и бью.

Видѣла Эмине-ханумъ что отъ тетки совѣта добраго ей не дождаться, потому что старуха больше о себѣ говорить хотѣла да хвалиться, а не совѣты давать.

— Законъ, законъ, говорить, — и у пророка было много женъ!

Эмине сказала ей:

— Иное дѣло раба-Черкешенка, купленная отъ отца и матери; иное дѣло Цыганка которая безъ яшмака при людяхъ пляшетъ!

Тетка сейчасъ согласилась.

— Правда, говорить, — иное дѣло Черкешенка! Умная ты, Эмине... Ты все равно, вижу, какъ я!

И стали говорить о другомъ. И всѣ Турчанки говорили: „Иное дѣло Черкешенка! Иное дѣло эта Пембе безстыдная!“

Только одна бѣдная старушка говорила ей отъ души: „покорись“, и говорила ей все такъ тепло и сердечно что стала было склоняться и Эмине-ханумъ.

— Покорюсь я ему! вздыхала она, и слушала дряхлую старуху.

Старушка сидѣла предъ нею сгорбившись, вся въ морщинахъ, тряслась и говорила:

— Кузумъ-кузумъ! Смотри на меня, милая ханумъ! Я богатства не знала какъ ты! Было мнѣ двадцать лѣтъ, и ушелъ мой мужъ въ солдаты при султанъ-Махмудѣ, и убили его на Дунаѣ. А я хлѣба не имѣла, и стала съ нужды продавать себя; узналъ меня Риза-бей, и говорить: „возьму я ее, бѣдную, къ себѣ“, и взялъ. Были у меня и дѣти отъ Риза-бея. И жена его жалѣла меня. Съ молоду она добрая была, а постарѣла и сердитѣе стала. А я ее жалѣла; мои дѣти померли всѣ, я за ея дѣтьми хожу.

Стара я стала, чуть хожу; дѣти ея большія стали, разошлись туда-сюда, и Риза-бей заболѣлъ и умеръ. А я за внучатами ихъ хожу. Иногда она ругаетъ меня, и бьетъ крѣпко мою сгорбленную спину старую, а за Мехмедомъ моимъ, за внучкомъ ея, я все смотрю. Плачу много и все смотрю. И дороже мнѣ внучата ея жизни моей. Мехмедъ мой, Мехмедъ мой маленькій! Часъ я не вижу его, мальчика моего, умирать хочу. И добрый мой Мехмедъ, кузумъ Эмине! „На комъ,“ говоритъ бабушка, „женить тебя, Мехмедъ мой?“ А онъ, дитя неразумное: „На нянькѣ, говоритъ, *моей.“ Это онъ, свѣтикъ мой, на мнѣ хочетъ жениться. Вотъ, ханумъ, какова моя доля! А я добра ихъ не забуду. Покорись ты ему, наградить тебя Богъ за это, и въ ней ты слугу вѣрную найдешь на старость!... Покорись ему!

„Покорюсь?“ думала Эмине, и велѣла позвать къ себѣ Пембе. Посмотрѣла ее, поговорила, но какъ увидала что Пембе смѣло глядитъ на нее, и кофе пьетъ какъ султанша, не торопясь, а больше всего, какъ увидала на ней золото и шелкъ отъ щедротъ Гайредина, такъ сердце ея какъ будто упало. „Не могу!“ сказала она, и опять задумала развестись. Послала объ этомъ

вѣсть и свекру, и отцу, и мужу опять сказала:

— Я разведусь съ тобой.

— Разведись, сказалъ Гайрединъ и ушелъ изъ дома.

Старики, какъ узнали о томъ что Эмине хочетъ развестись съ мужемъ, тотчасъ же пріѣхали оба въ Янину. Всѣ родные горой поднялись на молодаго бея. Отецъ Гайредина, какъ ни былъ добръ, а позвалъ сына и сказалъ ему грозно: „Ты позорить меня сталъ по всему вилаету.“ Гайрединъ покорно вынесъ брань отца, но тестю сказалъ: „Я твою дочь не гоню, она сама противъ мужа идетъ и сраму хочетъ. А я въ гаремѣ своемъ господинъ, какъ и ты въ своемъ. И я тебя не боюсь.“

Какъ звѣрь сталъ Абдулъ-паша. Онъ и дорогой не клялъ и не ругалъ позорно зятя только потому что ѣхалъ вмѣстѣ съ Шекиръ-беемъ и уважалъ его. А тутъ, послѣ этихъ словъ, онъ уже не хотѣлъ видѣть зятя, заперся въ 'конакѣ своемъ огромномъ, и чубуки ломалъ, и людей всѣхъ въ ужасъ привелъ, восклицая: „Какое мнѣ зло ему сдѣлать? какое зло, чтобъ онъ дрожалъ и просилъ у меня пощады!“

Обдумавъ, призвалъ онъ Цыганъ, и давалъ имъ деньги чтобъ они увезли изъ Янины Пембе.

Но онъ былъ скупъ, давалъ не такъ-то много, и Цыгане думали что отъ Гайредина они больше наживутъ чѣмъ отъ стараго звѣря. Кланялись, и по́лу хотѣли у старика цѣловать, и клялись что Пембе дѣвушка вольная, живетъ вмѣстѣ съ теткой, пристала къ нимъ и отстала; а силой увезти ее не можетъ никто.

Посылалъ Абдуль-паша и за самой Пембе, и за теткой ея, но онѣ не пошли и сказали:

— Онъ человѣкъ большой и грозный; боимся, не сдѣлалъ бы онъ намъ какого худа.

Абдуль-паша до крови прибилъ слугу который принесъ ему этотъ отвѣтъ и выгналъ его изъ дома.

— Поди, жалуйся на меня пашѣ! сказалъ онъ ему. Теперь царство наше стало царствомъ гяуровъ и побродягъ, бей теперь не бей, и паша не паша! Было иное время! Позвалъ бы я тогда двухъ-трехъ молодцевъ и сказалъ бы имъ: „Эй, хорошіе молодцы мои! Увезите эту дѣвку въ горы, зарѣжьте ее и заройте въ землю.“ И увезли бы ночью, и зарѣзали, и зарыли; и знали бы объ этомъ всѣ люди, отъ Превезы и до Шкодры, и никто бы не сказалъ мнѣ худа. А теперь консулы за нами какъ волки бѣгаютъ!

Узналъ Юсуфъ что Абдуль-паша говоритъ: „хорошо бы зарѣзать Пембе!“ Пришелъ, поклонился Абдуль-пашѣ и предложилъ себя для этого дѣла.

— Вы меня послѣ въ Элладу отправьте, сказалъ онъ, — чтобы меня не наказали. А я это сдѣлаю!

— Вонъ! Собака! закричалъ на него паша и привсталъ съ дивана.

Убѣжалъ Юсуфъ и рассказывалъ по кофейнямъ что Абдуль давалъ ему 20,000 піастровъ чтобы зарѣзать Пембе.

На другую ночь Пембе плясала у мехтубчи; Гайрединъ пробылъ тамъ до разсвѣта, и возвратившись, заснулъ въ своемъ селамлыкѣ, не заходя даже въ гаремъ.

Въ эту ночь Шекиръ-бей повидался съ Абдуломъ и успокоилъ его немного.

— Пойдемъ вмѣстѣ къ вали-пашѣ и поклонимся ему чтобы Цыганку послали отсюда въ изгнаніе, сказалъ Шекиръ-бей Абдулу.

Феимъ-паша принялъ ихъ хорошо; почтилъ ихъ года и званіе, какъ того требовали приличія; и много спрашивалъ о краѣ и о духѣ народа.

Наконецъ, Шекиръ-бей заговорилъ о Пембе.

Паша давно зналъ обо всемъ этомъ, но показалъ видъ что въ первый разъ его слышитъ, и очень жалѣлъ что такъ случилось.

Абдуль ободрился и сказалъ слово „сюрдюнь“, что значитъ *изгнаніе*.

— Это дѣло домашнее, отвѣчалъ паша, и сталъ объяснять старикамъ что тѣ времена прошли, когда бей, потому что онъ бей, могъ выгонять людей изъ города и даже рѣзать ихъ. Говорилъ это Феимъ-паша и разгорячался все сильнѣе и сильнѣе... — Для девлета нашего всѣ подданные султана равны. Времена несправедливостей и самоуправства утекли вмѣстѣ съ кровью крамольныхъ янычаръ въ воды Босфора! Турція теперь принята торжественно въ семью европейскую, и слуга султана сумѣетъ заставить уважать законъ!

Абдуль-паша молчалъ угрюмо.

— Такъ новый законъ, сказалъ онъ наконецъ, — велить чтобы старый воинъ былъ наравнѣ съ распутною Цыганкой? Хорошій законъ...

— Законъ данный государемъ нашимъ... возразилъ, блѣднѣя, генераль-губернаторъ, и всталъ съ своего кресла.

— Такъ я проклиная всѣ ваши новости!

закричалъ старый Абдулъ. — Я знаю одинъ законъ, древній обычай моей родины... Вы погубили исламъ; вы погубили весь народъ мусульманскій. Вы погубили насъ...

Феимъ-паша смотрѣлъ на изтупленнаго старика молча и надменно, перебирая четки. Какъ на безсильнаго стараго пса глядѣлъ онъ на него.

Шекиръ-бей кинулся къ намѣстнику и схватилъ его полу...

— Простите другу моему, онъ старикъ... Онъ говоритъ постарому *à la Turca!*... Злобы нѣтъ въ его сердцѣ... Горе и обида ожесточили его душу... Онъ вѣрный слуга султану... Его родъ всегда служилъ вѣрно государю нашему...

Феимъ-паша отступилъ надменно отъ Шекиръ-бея и отвѣчалъ ему:

— Я ему прощаю: его родъ точно всегда вѣрно служилъ. Я вамъ скажу; вѣрно ли вашъ родъ служить? Вѣрно ли служить вашъ сынъ?... Вы знаете за что удалилъ я его изъ меджлиса? Идите, теперъ у меня есть другія дѣла, и готовьте сына вашего въ дальній путь. Не Цыганку я пошлю въ изгнаніе, а вашего Гайредина. Пусть знаетъ онъ какъ дружитья съ Греками, нашими злѣйшими врагами, и какъ спасать заговорщиковъ ночью въ арнаутской одеждѣ...

Сказавъ это, паша позвонилъ и велѣлъ кликнуть своихъ чиновниковъ съ бумагами. А старики удалились въ безмолвіи домой.

IX.

Абдуль-паша, какъ только возвратился въ своей домъ, тотчасъ послалъ за дочерью и сказалъ ей :

— Ты мнѣ не дочь, если не поѣдешь за мною въ мой чифтликъ. Брось его! Пусть онъ придетъ и поклонится намъ. Я разведу тебя съ нимъ и найду тебѣ мужа честнаго.

Эмине-ханумъ покорилаь отцу, взяла дѣтей и въ тотъ же день уѣхала съ отцомъ изъ Янины.

Шекиръ-бей, сидя одинъ, горько плакалъ. Когда сынъ воротился домой, Шекиръ-бей передалъ ему печальныя вѣсти объ изгнаніи и объ отъѣздѣ жены.

— Судьба! сказалъ Гайрединъ, блѣднѣя, и сѣлъ: ноги его не держали.

Стали они совѣщаться и спрашивать: кто бы могъ довести дѣло Джимопуло до паши? Призвали сеиса-Грека и заклинали его всѣмъ святымъ сказать правду. Грекъ, прослезясь, признался что въ пьяномъ видѣ говорилъ о бѣгствѣ

Джимопуло съ кавасами, хваля доброту бея. Между кавасами былъ одинъ Турокъ; должно-быть, онъ передалъ.

— Вотъ тебѣ награжденъе, сказалъ старый Шекиръ-бей сеису. — Я тебя теперь въ домѣ моемъ видѣть не могу.

И далъ ему денегъ.

Одумавшись, Шекиръ-бей рѣшился ѣхать въ Царьградъ чтобы спасти сына. Какъ ни тяжело было ему пускаться въ дальній путь, сынъ былъ дороже покоя преклонныхъ лѣтъ.

Слезы его бѣжали ручьемъ при одной мысли что Гайредина сошлютъ въ Сирію или Каменистую Аравію, гдѣ у него не будетъ ни отца, ни жены, ни друга!

Ѣхать онъ собрался, но денегъ было мало. По добротѣ своей, Шекиръ не любилъ тѣснить Грековъ которые жили на его землѣ и часто отсрочивалъ имъ платежи. Въ это лѣто дождей было мало; кукуруза не родилась, и собрать ему съ нихъ было почти нечего.

Послали за банкиромъ Ишуя; но Гайрединъ и безъ того за эти три мѣсяца задолжалъ ему много, потому что не хотѣлъ показывать дома какъ дорого стоить ему Пембе, и не бралъ денегъ на это ни отъ отца, ни отъ тестя.

Ишуа сначала сказалъ что принесетъ сейчасъ 30,000 піастровъ. Ушелъ, и не вернулся. Къ вечеру послали за нимъ, его не было дома; на другой день была суббота; въ воскресенье утромъ онъ обѣщаль опять принести, а вечеромъ прислалъ сказать что поссорился съ племянникомъ съ которымъ у него до тѣхъ поръ все было сообща, и что племянникъ унесъ ключъ отъ кассы.

Сѣлъ старикъ на лошадь и поѣхалъ самъ къ Ишуа. Опять Ишуа не было дома. Шекиръ-бей вернулся оскорбленный и разсерженный. Уходя изъ дома Еврея, онъ произнесъ нѣсколько угрожающихъ словъ. Ишуа испугался этихъ словъ и пришелъ самъ съ извиненіями; но Албанцы выругали его какъ нельзя хуже, а Гайрединъ хотѣлъ гнать его изъ дома палками. Ишуа подалъ жалобу въ Порту.

— Дурной часъ пришелъ на насъ, сынъ мой! воскликнулъ Шекиръ-бей.

Гайрединъ долго сидѣлъ какъ убитый; но вдругъ, оправившись, вспомнилъ о Джимопуло, сѣлъ на лошадь и поѣхалъ къ нему. Дорогой, еще не доѣзжая до его дома, онъ увидалъ его на улицѣ.

Киръ-Костаки самъ, узнавъ случайно въ ко-

накѣ паши о ссорѣ Гайредина съ Ишуа, шелъ къ Гайредину съ деньгами.

— Возьмите, возьмите! сказалъ онъ старому Шекиру: — и знайте, что и между Греками есть такіе что помнятъ добро.

Старикъ и Гайрединъ долго обнимали и благодарили его.

— И въ немъ, ты самъ знаешь, течетъ ваша кровь! говорилъ съ восторгомъ старикъ, указывая на сына.

Джимопуло тѣмъ труднѣе было дать деньги эти что онъ, какъ и предсказывалъ Феимъ-паша, давно уже нашелъ средство тайно отправить для Критянъ большую сумму.

На другой день Шекиръ-бей взялъ въ конакѣ паспортъ и уѣхалъ въ Царьградъ въ самый ненастный и дождливый день. Сынъ провожалъ его до перваго хана и со слезами видѣлъ какъ скрылся за скалами отецъ, и какъ зимній холодный дождь ливня лилъ на его старую голову.

Жалобу Ишуа оставили въ Портѣ безъ вниманія.

Пашѣ довольно было и того что онъ сдѣлалъ Гайредину; въ тотъ же день какъ уѣхалъ старый Шекиръ, онъ послалъ въ Царьградъ бу-

магу, въ которой чернилъ Гайредина какъ только могъ.

Гайрединъ, возвратившись въ городъ послѣ проводовъ отца, пошелъ прямо къ той Гречанкѣ у которой онъ послѣднее время видался съ Пембе, и послалъ за любимой дѣвушкой, думая подѣлать съ ней горькій часъ.

Пембе пришла съ теткой. Тетка, какъ вѣдьма, сѣла на корточки у жаровни и стала грѣть свои красныя руки надъ угольями.

Пембе смѣялась и ласкала бея.

Гайрединъ, глядя на нее, забылъ все свое горе, и обнимая ее, спросилъ у нея наконецъ нѣчто завѣтное, о чемъ онъ еще не спрашивалъ ея:

— Поѣдешь ли со мной, моя жизнь, въ Аравію? И тамъ, ягненокъ мой добрые люди есть. Тамъ нашъ Пророкъ родился; туда люди на молитву ходятъ. Съ тобой, Пембе, изгнаніе не будетъ мнѣ изгнаніемъ, и ни отца, ни жены я не буду жалѣть, когда ты будешь со мной, моя сладкая дѣвушка!

Пембе молчала и глядѣла на тетку.

— Поѣдешь? спросилъ опять Гайрединъ. — Что жъ ты молчишь?

— Она жалѣетъ тебя, паша мой, сказала

съ улыбкой тетка. — Отъ жалости говорить не можетъ. Слышали мы вчера отъ людей будто тебѣ хотятъ „сюргюнъ“ сдѣлать, и всю ночь обѣ отъ слезъ и отъ страха не спали.

— Пусть не жалѣетъ, я самъ не жалѣю себя, если она поѣдетъ со мной...

Переглянулись еще Пембе съ теткой, и Пембе, вставъ и поцѣловавъ руку бея, сказала ему :

— Ты, паша мой, человѣкъ большой; тебѣ и въ Аравіи хорошо будетъ жить. А я сирота. Тетка моя не пуститъ меня съ тобой. Кто за нею, бѣдною старухой, будетъ смотрѣть, кузумъ-паша мой? Какъ она смотрѣла за мной, такъ и мнѣ надо теперь смотрѣть за ней, кузумъ-паша мой! Я теперь цѣлую глаза твои и руки, и благодарю тебя за то что ты мою судьбу сдѣлалъ...

Послѣ нея заговорила тетка.

— Узнали наши родные въ Битоліи, сказала она, — что у Пембе, по милости твоей, и деньги, и вещи есть, сосватали ее тамъ и зовутъ насъ на родину.

— Правда? спросилъ Гайрединъ у Пембе.

— Правда, паша мой. И я, сирота, благодарю тебя, отвѣчала коварная Пембе..

Гайрединъ не далъ ей руки... Вся душа его содрогнулась отъ гнѣва и горести.

Помолчавъ съ минуту, онъ всталъ, вышелъ вонъ и уѣхалъ въ свой опустѣлый чифтликъ ждать уныло что пошлетъ ему Богъ, обрушившій столько бѣдъ на его голову.

X.

На слѣдующій день Греки праздновали Рождество Христово. Закрыли всѣ лавки свои, и ночь подъ праздникъ провели въ церквахъ, молясь и приобщаясь Св. Тайнъ.

Въ ту же ночь Турки отдыхали отъ дневнаго поста своего, курили, ѣли и кончали дѣла. Феимъ-паша спросилъ себѣ на разсвѣтѣ свѣжаго хлѣба но ему отвѣчали что свѣжаго хлѣба нѣтъ, что всѣ хлѣбники-христиане и заперли пекарни на три дня.

— На три дня? воскликнулъ паша съ удивленіемъ и гнѣвомъ.

Чиновники сказали ему что такъ ведется здѣсь съ древнихъ временъ, и самъ Али-паша, тиранъ эпирскій, уважалъ этотъ обычай Грековъ.

— И войско будетъ ѣсть три дня сухой хлѣбъ? спросилъ Феимъ-паша.

— И войско.

Не повѣрилъ Феимъ-паша, послалъ за полковникомъ, и полковникъ повторилъ ему то же.

— Мы знаемъ это и привыкли, сказалъ онъ.

Паша тотчасъ же послалъ за тремя самыми богатыми хлѣбниками и грозно велѣлъ имъ отворить лавки и печь свѣжіе хлѣбы для войска и для всѣхъ Турокъ.

— Не можемъ, отвѣчали хлѣбники, кланяясь.

— Я велю вамъ! закричалъ паша.

— Не можемъ, повторили хлѣбники. — Намъ вѣра не велить работать эти дни, и мы, паша господинъ нашъ, работать не будемъ.

Паша пришелъ въ изступленіе и воскликнулъ:

— Я покажу вамъ всѣмъ здѣсь, и Арнаутамъ, и Грекамъ, каковъ у васъ паша! Я покажу вамъ, что у меня не пойдете вы по дорогѣ Критянъ! Вонъ отсюда!

И приказалъ безъ суда схватить этихъ трехъ хлѣбниковъ, и посадивъ въ цѣпяхъ на лошадей, отправить немедленно въ дальній городъ Берать и заключить тамъ въ тюрьму. Они не имѣли времени проститься съ семьями; ихъ взяли когда они только что, причастившись, шли изъ церкви.

Поднялась вся православная Янина. Одинъ за другимъ бѣжали Греки другъ къ другу, къ богатымъ купцамъ своимъ, къ митрополиту и консуламъ. Толпа народа съ благословеніями шла за тремя изгнанниками далеко за городъ.

Собрались старшины у митрополита. Робкій старецъ заплакалъ горько, выслушавъ ихъ рассказы и сужденія. Страшно ему было вступить въ борьбу съ могучимъ намѣстникомъ, но просьбы и угрозы общины еще сильнѣе трогали и пугали его. „Лучше отъ Турокъ пострадать чѣмъ отъ укоровъ своей паствы!“ сказалъ онъ наконецъ и поѣхалъ въ Порту.

Дрожащимъ голосомъ и со слезами на дряхлыхъ очахъ, молилъ онъ пашу возвратить изгнанниковъ и не касаться того обычая котораго самъ Али-паша не дерзалъ касаться.

Феимъ-паша отказалъ ему.

Еще шумнѣе и ожесточеннѣе заговорили Греки.

— Мы не бунтуемъ, кричали они: — но церкви нашей даны права въ первый день паденія Византіи самимъ султаномъ-Магометомъ-Завоевателемъ. Мы отстоимъ права наши!

— Я покажу Грекамъ каковъ у нихъ паша! повторялъ намѣстникъ, и велѣлъ тайно войсковымъ начальникамъ усилить обходы и стражу и быть готовымъ на все.

— Мы отстоимъ права наши, восклицали Греки всѣ заодно.

Весь городъ былъ въ движеніи. Турецкіе

фанатики осматривали свои ятаганы и ружья; встрѣчались молча на улицѣ толпа Грековъ съ кучей Турокъ, молча взглядывали одни на другихъ, но какъ! — и молча продолжали путь. На всѣхъ перекресткахъ въ эти три смутные дня слышались зловѣщіе рассказы: Шло, рассказывали Турки, десять Грековъ пьяныхъ вечеромъ безъ огня, заплѣ спросилъ ихъ: „куда вы идете пьяные съ пѣснями?“ „На твою гибель!“ отвѣчали они, разбили объ его голову незажженный фонарь и разбѣжались.

Въ иномъ мѣстѣ Греки рассказывали, какъ во время крестнаго хода, когда митрополитъ остановился предъ русскимъ консульствомъ и по обычаю прочелъ молитву, кинулись толпой сосѣдніе Турчата (наученные большими) на пѣвчихъ мальчиковъ, засыпали ихъ камнями и разбѣжались сквозь толпу.

„Часовые перестали отдавать честь русскому и греческому консуламъ“, говорили на базарѣ христіане.

Юзъ-баши встрѣтилъ съ обходомъ толпу гулявшихъ христіанъ, заспорилъ съ ними, и обнаживъ саблю, сказалъ:

— Если и эти дѣла пройдутъ вамъ, какъ

многое прошло, все-таки дождусь я и того часа когда сабля эта пройдетъ сквозь вашу грудь.

Говорили что паша осмѣлился не принять обоихъ православныхъ консуловъ, когда они пришли сдѣлать ему свои замѣчанія.

Громче всѣхъ говорилъ честный Джимопуло. Слушаясь его совѣтовъ, старецъ-митрополитъ привезъ ключъ отъ соборной церкви къ пашѣ и вручилъ его ему, говоря что митрополіи въ Янинѣ больше нѣтъ, и что онъ, послѣ оскорбленій нанесенныхъ вѣрѣ и общинѣ греческой, сношеній съ нимъ имѣть не можетъ. Вслѣдъ за духовнымъ пастыремъ пришли всѣ христіанскіе члены идаре-меджлиса и судовъ: уголовного, торговаго и гражданскаго, и подали въ отставку.

Джимопуло обратился къ пашѣ съ рѣчью спокойною и твердою:

— Мы лишимся довѣрія нашихъ соотчичей, сказалъ онъ, — если останемся послѣ этого позора членами судовъ и совѣтовъ султанскихъ. Ваше превосходительство знаете что его величество султанъ изволилъ дать намъ права не для того чтобы мы сами потеряли ихъ нашимъ равнодушіемъ. Поддерживая ихъ, мы сообразуемся съ волей того кто намъ даровалъ ихъ!

Паша повернулся къ Грекамъ спиной и повторилъ опять:

— Я докажу что здѣсь не будетъ Крита!

Къ слѣдующей ночи не только выборные члены судовъ и совѣтовъ, но и всѣ мелкіе чиновники изъ Грековъ, писаря, драгоманы и служащіе на телеграфной станціи и въ таможенныхъ, подали въ отставку.

Телеграммы со всѣхъ сторонъ неслись въ Царьградъ; писались спѣшныя донесенія во всѣ европейскія столицы.

Паша не дремалъ и по нѣскольку часовъ подъ рядъ проводилъ самъ на телеграфной станціи, отвѣчая на запросы съ береговъ Босфора...

Волненіе умовъ росло въ столицѣ вилаета, а изъ дальнихъ округовъ въ то же время прилетали вѣсти отъ которыхъ пахло уже порохомъ и кровью... Наконецъ и западные консулы вмѣшались и совѣтовали уступить: ибо для самой Порты невыгодны смятенія...

Раздираемый нѣмымъ бѣшенствомъ, Феимъ-паша уступилъ. На третьи сутки раздался по мостовой, со стороны Берата, стукъ копытъ, и изгнанники вернулись въ среду ликующаго народа.

Феимъ-паша уныло простился со своею ролью просвѣщеннаго, но грознаго патріота и правителя Эпира. Онъ понималъ что послѣ этой неудачи его царству здѣсь конецъ... Все что было оскорблено, имъ въ этомъ дѣлѣ, все что лично было ему враждебно поднялось на него въ Царѣградѣ. Вселенскій патріархъ вступился за право митрополита; греческія газеты привлекали взоры на самоуправство пашей. Фанаріоты, и тѣ роптали. Драгоманы посольствъ сожалѣли офиціально въ примной великаго визиря о неосторожномъ обращеніи Феима съ народными страстями. Паши, у которыхъ не было мѣстъ, спѣшили заявить свои надежды. Не дремали и старые албанскіе бей: Абдуль-паша писалъ спѣшныя письма къ роднымъ и друзьямъ своимъ въ столицу, обвиняя пашу какъ безумца и заклятаго врага Албанцевъ. Шекиръ-бей хлопоталъ за сына. Но болѣе всѣхъ вредилъ Феиму одинъ престарѣлый министръ, котораго Феимъ оскорбилъ когда-то своимъ остроуміемъ.

Старикъ этотъ былъ съ нимъ друженъ, и вздумавъ подражать Европейцамъ, просилъ его, какъ человѣка знающаго, сочинить ему гербъ на новую карету. „Вы были судьей и воиномъ не разъ“, сказалъ ему Феимъ, и прислалъ ему ри-

сунокъ герба! вѣсы и мечъ, а внизу девизъ по-французски: *prese et vains*! По-турецки же слово *пезевенгъ* хуже чѣмъ подлець!

Феимъ-паша зналъ все это: онъ готовился къ отъѣзду и забылъ о Гайрединѣ и объ его ссылкѣ.

XI.

Скоро Феимъ-паша уѣхалъ изъ Янины; его замѣнилъ другой, съ которымъ успѣлъ сдружиться въ Царѣградѣ старый Шекиръ-бей. Они пріѣхали вмѣстѣ. Объ изгнаніи Гайредина уже не было и рѣчи; новый паша обѣщалъ старику выгнать изъ вилаета Пембе безъ всякаго суда и разговоровъ; но, по пріѣздѣ въ Янину, онъ узналъ что Пембе уѣхала сама. Шекиръ-бей сказалъ сыну:

— Поѣдемъ къ Абдуль-пашѣ. Помиришь съ женой. Ты забылъ и дѣтей своихъ!

Гайрединъ поѣхалъ съ нимъ къ тестю и привезъ назадъ жену и дѣтей. Иззедину онъ былъ очень радъ и крѣпко обнималъ его и ласкалъ цѣлый день; но къ женѣ уже не лежало сердце его, и часто думалъ онъ про себя:

„Пустыня Аравіи была бы лучше родины, еслибы *та дѣвушка* была со мной въ пустынѣ!“

Видѣли всѣ: и жена, и отецъ, и родные, что бей молчить и тоскуетъ, и не знали что дѣлать съ нимъ.

Однажды Шекиръ-бей откровенно говорилъ о сынѣ съ новымъ пашой.

— Послушай меня, сказалъ ему генералъ-губернаторъ: — Не излѣчишь ты дома души его! Пошли ты его на Грековъ съ баши-бузуками въ горы. Хоть „сюрдюнь“ ему и не сдѣлали, а все же мнѣніе о немъ худое въ Стамбулѣ. А пойдетъ онъ на Грековъ, такъ эти мысли измѣнятся.

Шекиръ-бей поблагодарилъ пашу и сказалъ сыну какъ будто отъ себя:

— Вотъ, пришло тебѣ время послужить султану мечомъ и очистить имя твое!

Гайредину было все равно. Онъ принялъ начальство надъ сотней баши-бузуковъ и выступилъ въ Аграфу. Ему не пришлось и сразиться съ клефтами. Не прошло и трехъ недѣль какъ его убили.

Онъ ѣхалъ подъ вечеръ впереди своего отряда по ущелью. Съ обѣихъ сторонъ стояли высокіе камни. Снѣгъ падалъ густой, и вѣтеръ грозно ревѣлъ на встрѣчу Албанцамъ.

Гайрединъ ѣхалъ шагомъ, укрываясь бур-

кой, и унылыя мечты его были далеки отъ боеваго дѣла. Онъ съ горькою думой вспомнилъ иную непогоду, веселый очагъ и окна своего дома, которыя напрасно рвалъ вѣтеръ, — вечерній дождь надъ темною мостовой и бѣдную Пембе.

Такъ мечталъ Гайрединъ, когда греческая пуля, пущенная изъ-за дальняго куста, пресѣкла его жизнь. Онъ упалъ на шею лошади, не сказавъ ни слова. Баши-бузуки разбѣжались, и только двое старыхъ слугъ привезли его тѣло къ отцу.

Такъ кончилъ жизнь свою добрый Гайрединъ.

КОНЕЦЪ.

НАУМБУРГЪ,
въ типографіи Г. Петца.

NAUMBURG,
Druck von G. Pätz.

ВОЛЬФТАНГЪ ГЕРГАРДЪ книгопродавецъ, издатель и комиссіонеръ для иностранцевъ, предлагаетъ свои услуги Г. г. авторамъ для напечатанія ихъ произведеній на русскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ.

РУССКАЯ БИБЛИОТЕКА.

- Томъ V. ДЕСЯТЬ ЛѢТЪ ВЪ АНГЛІИ Ивана Голо-
вина, съ портретомъ автора 1 Thlr. 15 Ngr.
Томъ VI. ЗАПИСКИ Ивана Головина. 1 Thlr. 15 Ngr.
Томъ VII. МОЛОДАЯ РОССІЯ Ивана Головина. 24 Ngr.
Томъ VIII. НОВЫЯ СТИХОТВОРЕНІЯ Пушкина и Шев-
ченки. 7½ Ngr.
Томъ IX. ЗАПИСКИ ФОНЪ-ВИЗИНА. 1 Thlr.
Томъ X. СТИХОТВОРЕНІЯ Н. Некрасова. 22½ Ngr.
Томъ XI. СТИХИ Сп..... аго и П. П. 15 Ngr.
Томъ XII. ОДНА ТОЛЬКО ДУША! Вильгельма Вольф-
зона. 1 Thlr.
Томъ XIII. РИМЪ И С.-ПЕТЕРБУРГЪ. 7½ Ngr.
Томъ XIV. КТО ПРАВЪ? 15 Ngr.
Томъ XV. О СВОБОДѢ. Соч. Д. С. Милля. 1 Thlr. 10 Ngr.
Томъ XVI. ДУХОВНАЯ Василя Никитича Тати-
щева. 7½ Ngr.
Томъ XVII. О ЮНОСТИ АЛЕКСАНДРА 1го, кн. Ав. Го-
лицына. 10 Ngr.
Томъ XVIII. РАЗСКАЗЪ ОЧЕВИДЦА о 14 Декабрѣ 1824.
кн. Ав. Голицына. 7½ Ngr.
Томъ XIX. БІОГРАФІЯ АРСЕНІЯ МАЦѢВИЧА, Архіе-
пископа Ростовскаго и Ярославскаго, кн. Ав. Голи-
цына. 7½ Ngr.
Томъ XX. О МНИМОЙ КНЯЖНѢ ТАРАКАНОВОЙ, кн.
Ав. Голицына. 7½ Ngr.
Томъ XXI. О СОСТОЯНІИ РУССКОЙ АРМІИ ВЪ СЕ-
МИЛѢТНЮЮ ВОЙНУ. — О ЗЛОЙ САЛТЫЧИХЪ.
7½ Ngr.
Томъ XXII. ДОКЛАДЪ о управленіи государствомъ, подан-
ный Екатеринѣ II вскорѣ по восшествіи ея на престолъ.
ЗАПИСКА князя Михаила Никитича Волконскаго о
необходимыхъ улучшеніяхъ (1775). 7½ Ngr.
Томъ XXIII. ИСТОРІЯ О ОЦѢХЪ И СТРАДАЛЬЦѢХЪ
СОЛОВЕЦКИХЪ: Иже за благочестіе и святыя церков-
ныя законы и преданія, въ настоящая времена, велико-
душно пострадаша. 15 Ngr.
Томъ XXIV. ДЫМЪ. Соч. Ив. Тургенева. 1 Thlr. 15 Ngr.
Томъ XXV. НЕСЧАСТНАЯ. Соч. Ив. Тургенева. 20 Ngr.
Томъ XXVI. ОТЦЫ И ДѢТИ. Соч. Ив. Тургенева. 1½ Thlr.
Томъ XXVII—XXIX. ПАНУРГОВО СТАДО. Соч. В. В. Кре-
стовскаго.

НАУМБУРГЪ,
въ типографіи Г. Петца.

NAUMBURG,
Druck von G. Pätz.

Leontjew, K. N.

Pembe Raskas is epiro-albanskoi schisni

Leipzig 1870

P.o.rel. 2910-30

urn:nbn:de:bvb:12-bsb11016806-2